

**ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ
ВОЙНА**

Александр Афанасьев

**ПАДЕНИЕ
ВАВИЛОНА**

Период распада

Александр Афанасьев

Падение Вавилона

«ЭКСМО»

2012

Афанасьев А. Н.

Падение Вавилона / А. Н. Афанасьев — «Эксмо»,
2012 — (Период распада)

2015 год. Нет на всей Земле державы, способной помериться силой с оплотом свободы и демократии – Соединенными Штатами Америки. Американского солдата можно увидеть на всех континентах, кроме, пожалуй, Антарктиды. И пусть недавняя спецоперация в России обернулась катастрофическим провалом, пусть в Афганистане, кажется, с «джи-ай» воюют даже горы, пусть улицы родных тexasских и калифорнийских городов все чаще становятся полем боя – США остаются единственной глобальной супердержавой. И в этом недавно пришлось убедиться гнусным иранским исламистам, на своей шкуре ощутившим мощь американской армии. Вот только забыли стратеги из Вашингтона, что загнанная в угол мышка порой кидается на кошку. А в термоядерную эру даже у самоубийственной атаки могут быть неплохие шансы на успех...

Содержание

24 июля 2015 года	5
25 июля 2015 года	15
26 июля 2015 года	20
25 июля 2015 года	25
Тот же день	41
Южнее Браунвуда, Техас	44
Тот же день	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Афанасьев

Падение Вавилона

Теперь, когда я произношу «Авиньон», передо мной встают видения, и, подобно тому, как Марк Антоний говорил, развертывая погребальную одежду Цезаря: «Это отверстие проделал кинжал Кассия, сюда вонзился меч Кассия, а тут – клинок Брута!» – я говорю, разглядывая окровавленный саван папского города: «Вот кровь альбигойцев! Вот кровь севеницев! Вот кровь республиканцев! Вот кровь роялистов! Вот кровь Лекюйе! Вот кровь маршала Брюна!»

Александр Дюма Соратники Йегу

24 июля 2015 года

Афганистан, Кабул

Посольство США

Прием по случаю Дня независимости США

Пять несчастий одно за другим появились из священного чрева Джихада: ослабление афганского самосознания, повышенное внимание к этническому происхождению, возникновение сектантства, культ военной диктатуры и привычка иностранных держав вмешиваться во внутренние дела Афганистана.

Генерал Сиед Рафакат

Всего двести с чем-то лет назад на берега нового континента высадились люди. Эти люди были изгнаны со своей родины по разным причинам – кто-то совершил преступление, кто-то не так верил, кто-то просто отправил себя в изгнание сам, не желая жить так, как он жил. Эти люди основали страну, которая должна была стать и для многих стала прибежищем, местом, где можно жить так, как тебе хочется, если это, конечно, не затрагивает права и интересы других людей и если ты вовремя платишь налоги. Эта страна, которую почти что не касались раздиравшие Старый Свет войны, постепенно стала для многих светочем, символом, надеждой. Эту надежду американцы несли по всему миру, и один командир стратегического бомбардировщика, отправляясь на задание, где он мог погибнуть, оставил в дневнике такую запись: «Я предпочел бы, чтобы мои дети погибли, нежели жили под властью какого-то копеечного наполеончика». Эти люди и в самом деле верили в то, что они делали, и в самом деле несли факел свободы туда, где его никогда не было.

Когда же тогда все превратилось в то дерьмо, какое есть сейчас? А черт его знает...

Прием по случаю Дня независимости США, который давался в американском посольстве, был пышным. Если бы стояла задача дать девиз этому празднеству – он был бы «Несмотря ни на что!».

Да, несмотря ни на что! Такие же приемы давались в посольстве в Сайгоне, когда он еще не был Хошимин. Несмотря на то что на дорогах рвутся бомбы, а девяносто процентов территории страны находится под властью исламских комитетов. Несмотря на то, что льется кровь, что сыплются бомбы и летят пули. Несмотря на то что у моджахедов теперь есть установка, с плеча прошибающая снарядом броню БМП, несмотря на то, что потеряно уже шестьсот с лиш-

ним вертолетов¹ и тысячи единиц бронетехники, несмотря на то что в Штаты ушло уже пять тысяч гробов, накрытых звездно-полосатым флагом. Несмотря на то, что уже никто ничему не верит и все представители законной власти в провинциях хапают, сколько возможно, готовясь бежать. Несмотря на то что офицеры уже устали, смертельно устали и усталость эта, как серая пелена в глазах, не уходит даже с улыбающихся лиц, несмотря на то что никто уже не видит конца этой войны и мало осталось тех, кто помнит ее начало, несмотря на то что ни один не сможет точно сказать, ради чего все эти жертвы, чего и кому нужно доказать – несмотря на все это праздник будет. С индейкой и фейерверком.

Индейку раздавали на пластиковых тарелочках. У индейки очень жесткое мясо, намного жестче куриного, и как нельзя кстати был бы нож, но ножей не было. Нормальных ножей – а пластиковым такое мясо не режется. Те, кому не хватило одной порции, подходили за добавкой в угол зала, там же давали тыквенный пирог. Оркестр – специально приглашенный живой оркестр – играл какую-то музыку в стиле кантри, веселую и беззаботную.

Марк Уильямс, в костюме – он не раз похвалил себя за предусмотрительность, в галстук и с бокалом довольно дурного калифорнийского вина, которое было официальным вином вечера, стоял чуть в стороне от основной массы веселящихся в компании довольно-таки солидных людей. Гвоздем программы был специально приглашенный на этот вечер конгрессмен Пола Русецки, еще одна полька из крайних республиканцев, ее считали преемником почившего наконец-то в бозе «главного специалиста по России» Збигнева Бжезинского. Довольно-таки привлекательная республиканка, которую протащили не только в конгресс, но и в комитет по разведке, приехала в Афганистан, чтобы «понять обстановку». В разведке она ни черта не разбиралась, зато пылала тайной страстью к брутальным, бородатым, дурнопахнущим мужикам. Ее брак был фикцией – муж ее, известный адвокат, увы, так же пылал тайной страстью к брутальным, бородатым, дурнопахнущим мужикам, а единственный их ребенок был усыновленным и учился сейчас в Гарварде на специалиста по бизнес-администрированию. Сама же мадам конгрессмен, в молодости предпочитавшая рокеров, была просто в эйфории от представителей афганской национальной армии, которые были приглашены в посольство – она открыла для себя, что военная форма и награды возбуждают ее еще больше. Но в посольстве ничего позволять было нельзя – поэтому она стояла в обществе нескольких афганских офицеров и милого мальчика из разведки и внимала его наставлениям по поводу того, как можно повысить результативность разведдеятельности против талибов. В вопросах разведки мадам Русецки понимала еще меньше, чем Марк Уильямс, все-таки поработавший в ЦРУ и какое-то время проведенный в Афганистане – поэтому его предложения казались разумными.

– Так вот... Я и говорю о том, что деятельность разведки неэффективна. Мы не можем, черт возьми, справиться с тем потоком информации, который обрушивается на нас, кто-то должен заниматься предварительной фильтрацией. Понимаете? Есть огромная куча песка, в ней полно камней. Но один из камней – это золотой слиток. Что мы должны сделать? Мы должны взять сито и сначала отделить песок, тогда нам намного проще будет искать золотой слиток. И мы на удивление мало привлекаем к работе местных. Черт, за те же деньги, которые мы платим одному специалисту из США, включая страховку, на поднаем жилья и все прочее – можно нанять десяток местных. Я понимаю, что их квалификация намного ниже – но какие-то дела им вполне можно поручить, есть простая работа, с которой они справятся. Ведь так?

О том, что среди «национальных кадров», которые будут заниматься первичной фильтрацией поступивших в ЦРУ сообщений, безусловно, будут тайные сторонники Талибана, и таким образом Талибан получит прямой доступ к информации американской разведки, а агенты, каж-

¹ Установка эта была похожа на противотанковое шведское ружье времен Второй мировой. А шестьсот вертолетов – это еще не так много, на момент написания произведения американцы потеряли в Ираке и Афганистане около трехсот восьмидесяти. Для справки: СССР за период афганской кампании потерял триста тридцать три машины при наличии у моджахедов «Стингеров».

дый день рискующие жизнью, будут рано или поздно провалены – Марк Уильямс почему-то не подумал.

– Вы правы, мистер Уильямс, – глубокомысленно заявила мадам конгрессмен, стреляя глазами в стоящего рядом афганского комдива. Афганский комдив, человек простой, привыкший к тому, что женщина вообще находится под паранджой, от такого внимания американки, дамы не старой и отнюдь не уродливой, нервничал и не знал, куда деть руки. Он был достаточно раскрепощенным человеком в этом смысле, потому как воевал не на стороне талибов, а на стороне американцев – но все равно он стеснялся того, что такое внимание к нему проявляет не кто-нибудь, а конгрессмен США, почетный гость вечера.

– Увы, местное руководство действует по-другому. Оно подгребает всю информацию к себе, а потом весьма небрежно фильтрует ее, пытаясь выбрать нужное. При этом оно совершенно не знает обстановки.

Один из американских штабных офицеров в чине полковника – он принадлежал к военной разведке и слушал мистера Уильямса исключительно для того, чтобы понять, какая чертовщина творится в ЦРУ и чем здесь занимается этот хлыщ – посмотрел на часы.

– Господа, скоро салют... Может, выйдем на улицу?

– Не так уж и скоро, – заметил еще кто-то, – к тому же из-за этих стен ничего не будет видно.

– Можно подняться на верхний этаж...

Афганский командир дивизии, наконец, решился.

– Если мне будет позволено, господа... Мои подразделения стоят на горе Бала-Хиссар, там стоит крепость, оттуда виден весь Кабул. Там раньше располагались коммунистические войска специального назначения, поставленные коммунистами для того, чтобы контролировать Кабул и подавлять мятежи против коммунизма – а сейчас там стоим мы, защитники свободы и демократии. Оттуда все отлично видно, салют будет примерно на той же высоте, что и смотровая площадка крепости. Если позволите – мы можем поехать туда...

– Как интересно... – мадам конгрессмен, профессионально играя «маленькую девочку», захлопала в ладоши, – а там холодно?

– Мэм, ночью в Кабуле холодно даже летом. Это горы.

– Все равно. Я хочу поехать и посмотреть.

Генерал кивнул:

– Я немедленно распоряжусь, чтобы нас ждали.

Мадам конгрессмен проводила взглядом генерала, потом повернулась к Марку Уильямсу, который, несмотря на молодость, показался ей дельным малым.

– Мистер Уильямс, а по ночам в Кабуле опасно?

Будь Марк Уильямс хоть на секунду профессионалом, он сказал бы правду, что похитить и обстрелять могут в самом центре города, что прорывы отрядов смертников в правительственный квартал происходят с завидной регулярностью, что их колонна представляет собой лакомый кусок, к тому же выезд никак не подготовлен – короче, он сказал бы правду, как она есть, жестокую, некрасивую и неприглядную правду, и сделал бы все, чтобы глупой молодой дамочке, приехавшей в Кабул встряхнуться и покрасоваться, и в голову не пришло лезть ночью за охраняемый периметр. Но увы – Марк Уильямс профессионалом не был, он участвовал в паре рейдов по ночному Кабулу в качестве наблюдателя и решил, что в городе вполне безопасно. Конечно, безопасно – когда с тобой спецотряд морских котиков или группа рейнджеров. Талибы, действующие в городе, каждый раз, когда охотники выходили в город, узнавали об этом и прятались по норам.

Марк Уильямс был карьеристом. И говорил только то, что хочется слышать начальству. И задумывался о своей карьере, для которой знакомство со стремительно продвигающимся к вершине пирамиды власти конгрессменом из профильного комитета было очень даже кстати.

– Мэм, я сам не раз бывал в рейдах по ночному Кабулу. Если все делать правильно – город безопасен.

Последнюю ошибку совершил генерал Ширзай. Он позвонил в свой штаб и приказал готовить дастархан – это ночью-то. Одно из правил выживания в зоне боевых действий – никогда не сообщать без необходимости кому бы то ни было, даже тем, кого ты считаешь своими, куда ты намереваешься выдвигаться, по какой дороге, когда планируешь прибыть в конечный пункт. Такое сообщение – просто подарок для тех, кто может готовить засаду или похищение.

Майор, который работал в штабе генерала Ширзая и сегодня дежурил, в максимально вежливых выражениях заверил генерала, что к его приезду все будет готово – дастархан, бинокли, все прочее – в том числе и комната генерала, на случай, если эта распутная американка не просто так подмигивает ему сегодня. Заверив генерала в том, что все будет готово, майор отпросился в туалет. В туалете он сменил сим-карту в телефоне и позвонил на номер, который ему дали для подобных случаев – а после звонка он немедленно выбросил использованную карту, купленную на имя давно погибшего человека, в вонючую яму сортира. Американцы прекрасно умели устанавливать владельца сотового телефона и следить за ним – так что шансов им давать не следовало.

Потом он уже с официального телефона позвонил водителю генерала, машина которого стояла у американского посольства, и дал ему указания, как поступать – замаскировав это под обычный телефонный разговор, обусловленный тем, что генерал приказал ему подготовить приезд. Пара слов дала ему сигнал к выполнению операции, которую Талибан задумал уже давно, операцию похищения или убийства генерала Ширзая. Люди, которые должны были это сделать, были в городе на полулегальном положении – а теперь, кроме генерала, в сеть могли попасться и американцы. Это было просто замечательно.

Майор уже с двенадцатого года был сторонником Талибана, состоял на учете в подпольном исламском комитете – хотя его имени не было ни в одном списке, его просто знали – Талибан, имеющий контакты с пакистанской разведкой, знал, как нужно защищать и оберегать от провала своих агентов. Притом майор вовсе не был исламским экстремистом, нет, его отец даже воевал одно время с талибами. Когда пришли американцы – он пошел к ним на службу, потому что видел за американцами силу. Потом он понял, что американцы слабы и рано или поздно проиграют – и тогда он стал осведомителем талибов, чтобы отвратить от себя и от своей семьи возмездие, когда талибы придут к власти. Предательство? Я умоляю вас... О каком предательстве может идти речь в государстве, где за полвека пять раз с кровью сменилась власть и где тридцать пять лет идет война? Простое выживание, не более того...

Выехали – просто с вопиющими нарушениями мер безопасности.

Конвой – четыре машины, без какого-либо воздушного прикрытия. Первым шел «Субурбан», в котором была группа агентов Дипломатической секретной службы, четыре человека и водитель, прикрытые, выделенные конгрессмену США от американского государства. Следом – «Хаммер», на котором ездил генерал, мадам конгрессмен села в него, укутавшись в шинель, которую ей накинул на плечи преисполненный благородных манер генерал Ширзай. Там же был старший группы ДСС, он сидел на переднем пассажирском сиденье, потому что не имел права оставлять охраняемое лицо наедине с афганским генералом, как бы охраняемому лицу того ни хотелось. Третья машина – «Субурбан», в котором был Марк Уильямс, еще один человек из посольства, одна дамочка из Красного Креста, которая была каждой бочке затычка и не могла упустить такой поездки, водитель и человек из частной службы безопасности – компании «Трайпл Канопи». Последняя машина – тяжелый, кустарно бронированный пикап «Форд» с пулеметом Калашникова в кузове, в нем – шесть специалистов той же «Трайпл Канопи». «Трайпл Канопи» в нелегких закулисных торгах выиграла подряд на обеспечение безопасности

дипломатического квартала Кабула, поэтому охраняли конвой их люди. При этом о поездке не было поставлено в известность полицейское управление Кабула, не был поставлен в известность офицер безопасности посольства США, по маршруту следования небольшого конвоя не было произведено разведки, ни инженерной, ни какой-либо другой. Но это же Кабул, господа! Город – большая рулетка, Сайгон наших дней, большое Эльдorado, Додж-Сити²! Разве можно портить впечатление от прогулки по Додж-Сити чрезмерными мерами безопасности? И, в конце концов – машины бронированы, а везде полиция, это же не кандагарская зеленка...

Тронулись...

Почти сразу выскочили на Майванд, основную дорогу афганской столицы, почти прямую и довольно широкую. Город почти затих, ночью комендантский час, веселятся только в дипломатическом квартале, в ресторанах типа Гандамак Лоджи или Л'Атмосфер, да в кварталах, где понастроены богатые виллы. Да-да, есть в афганской столице и такие кварталы... Деньги же от наркотиков куда-то надо девать.

Поездка, обещавшая быть такой приятной, закончилась быстрее, чем они рассчитывали – впереди дорогу преграждал бронетранспортер, рядом стоял «Хаммер» афганской полиции. Несколько полицейских стояли в оцеплении, один, не обращая внимания на круговерть синекрасных огней под фальшрадиаторной решеткой головного «Субурбана» и на дипломатические номера, бешено завертел жезлом, показывая налево.

– Что за черт...

Агент дипломатической секретной службы, который сидел в «Хаммере», сразу понял, что дело неладно, его учили на курсах подготовки агентов секретной службы – а там одно из основных правил гласит: остановка конвоя в неполюженном месте – чрезвычайное происшествие вне зависимости от причин и последствий. Поэтому он первым делом перевел свою М4 в режим автоматического огня, вторым – схватился за рацию.

– Кролик-четыре, это Кролик-один, как принимаешь?

– Кролик-один, принимаю громко и четко.

– Кролик-четыре, сообщи причину остановки и оценку угрозы. Немедленно!

«Немедленно» было кодовым словом, которое помимо истинного значения имело и еще одно – всем боевая готовность.

– Кролик-один, дорога перекрыта местными полицейскими, дальше по дороге в одном из зданий обнаружили крупный фугас, обезвреживают. Полицейские в форме, с оружием, других вооруженных людей не наблюдаю. Предлагают проехать в объезд.

Кролик-один, старший группы, как чувствовал, что дело неладно. Но фугас есть фугас, он просто не мог взять на себя такую ответственность – вести колонну туда, где обнаружен фугас. Это было против всяческих инструкций.

– Кролик-четыре, здесь Кролик-один. Двигайся в направлении, указанном полицейскими. Прикрытие – по варианту три.

Вариант три означал, что одному из агентов в головной машине следовало взять пулемет М240, открыть люк на крыше, который в открытом виде служил щитом, и дежурить, наблюдая за крышами домов и вообще обстановкой. В нормальных условиях такого дежурства не предусматривалось.

– Что там произошло, офицер? – с ноткой недовольства спросили с заднего сиденья. – Почему стоим?

– Впереди нашли фугас, мэм. В здании. Обезвреживают.

– Fucking talibs! – выругался генерал.

– Как интересно... А можно выйти и посмотреть?

² Город на Диком Западе. Известен множеством кровавых и жестоких перестрелок с участием знаменитых гангайтеров тех времен.

– Нет, мэм. Это очень опасно. Сейчас тронемся...

Колонна снова тронулась, заворачивая в темный извилистый переулок. У агента почему-то неприятно кольнуло позвоночник. Над Кабулом в иссиня-черной выси небес сверкала яркая белая, ущербная луна. Полумесяц. Символ ислама...

Полицейский «Хаммер», как только колонна ушла в переулок, развернулся и заблокировал выезд из него. Самое страшное – что в «Хаммере» были не переодетые, а настоящие полицейские, которые тоже поняли, к чему все идет, и тоже сделали свой выбор. Здесь не жили – здесь выживали, спасали свои жизни. Любой ценой...

Агент ДСС с позывным Кролик-восемь стоял на кожаном, мягком сиденье, сжимая в руках пулемет и едва удерживаясь на ногах – люк был очень широким, и когда машина шла по бездорожью, приходилось прикладывать усилия, чтобы не упасть. С фронта его защищал откинутый люк, в котором была прорезь аккурат под цевье пулемета, с боков – две половинки того же откинутого люка и две специальные выдвижные конструкции, сильно похожие на веер, только из стали, вроде как они если и не держали пули калибра 5,56 – то заставляли их ricochetировать и не давали точно прицелиться по пулеметчику. Они шли по узкой – всего одна полоса в каждом направлении – улице, темной и извилистой, почему-то фонари здесь горели хорошо, если один через три. Здесь была типичная застройка для Кабула – двух- и трехэтажные здания для офисов и общего проживания в квартирах чередуются с виллами, огражденными высокими бетонными и даже глиняными заборами – дувалами. Кабул был застроен хаотично и чрезвычайно бессистемно – за последние пятьдесят лет здесь строили, потом разрушали, потом опять строили, выселяли из вилл богачей и создавали какие-то муравейники на несколько семей, потом строили пятиэтажки, расселяли, потом строили блокпосты и стены. Надо сказать, что больше всего влияния на архитектуру Кабула в двадцатом веке оказали русские и американцы – вот только русские в основном строили жилье, свои скворечники, панельные трех- и пятиэтажки, а американцы больше специализировались на стенах, блокпостах и общественных зданиях. Не было ни одного жилого здания для жителей Кабула, которое бы американцы построили и сдали за все время своего присутствия.

Кролика-восемь звали Ти Джей, и он не должен был здесь находиться. Здесь все было мрачное, страшное и чужое, особенно чужое для уроженца Калифорнии. Ти Джей был именно калифорнийцем, это особая нация, равно как и техасцы, хотя калифорниец и техасец – антагонисты почти во всем. Техасец – упорный, рассудительный, готовый к тяжелому труду, к накоплению, консервативный, богобоязненный человек. Калифорниец – веселый, беззаботный, бесшабашный, живущий вкусно и много человек, ценящий хороший отдых, но и умеющий работать, правда, больше склонный придумать что-нибудь дельное и получать дивиденды с этого – чем упорно делать одно и то же на протяжении многих лет. Отец Ти Джея имел хорошую, уважаемую работу – он был инженером на атомной электростанции, а вот самому Ти Джею нормальной работы не нашлось – кризис. Он поступил на самый престижный факультет Колумбийского университета – так называемую школу внутренней безопасности, готовящую специалистов по обеспечению безопасности. Учился он неплохо – настолько неплохо, что к нему поступило предложение от Дипломатической секретной службы, занимающейся обеспечением безопасности американского дипломатического персонала в кризисных регионах. Это был трамплин, с которого можно было взлететь вверх подобно ракете – пятилетний контракт с возможностью продления еще на пять лет, обучение и тренировки за государственный счет, страховка и полный медицинский пакет от государства – а после такого контракта любая частная охранная компания с руками оторвет, ведь их учат сразу на два направления – обеспечение безопасности посольств и личная охрана, самые востребованные ныне специальности. Люди с таким уровнем знаний заколачивают на Ближнем Востоке по паре тысяч долларов в день, а в условиях боевых действий можно было и тысяч пять за день заработать. Его отец зарабатывал

перед пенсией девяносто тысяч долларов в год плюс премии и бонусы тысяч двадцать, а то и тридцать, считал это отличным заработком, и до всего до этого он шел тридцать лет, неторопливо поднимаясь по карьерной лестнице. Он же – если повезет, то будет зарабатывать раза в два больше, и все это к тридцати годам.

Вот только никто не сказал Ти Джею, что с крутой лестницы и упасть намного легче. Он был из того поколения, которое об этом не думает.

– Кролик-восемь, что там у тебя? – послышалось в наушнике, запрашивал старший машины.

– Кролик-четыре, все о'кей.

– Внимательнее слева. Там высокие здания.

Высокие – это пятиэтажное здание и рядом четырехэтажное, длинное такое. Боже, ну и дыра. Столица страны, где по утрам развозят товары на ослух, и все это – в двадцать первом веке. Неужели они борются, чтобы все оставалось, как было?

Справа, там, где шел ряд вилл – над дувалом появилась голова в черной маске. Кроме головы, появился и конус реактивной гранаты ПГ-7В...

– Тебя понял, четвертый. Буду внимателен.

Ти Джей посмотрел вверх – просто бросил взгляд, мельком – и обомлел. Он увидел на крыше пятиэтажного здания человека, этот человек целился по колонне из какого-то странного оружия, похожего на две трубы, приваренных одна над другой.

– Опасность вверху на одиннадцать! – выкрикнул агент, поднимая пулемет, но в это время водитель резко даванул на газ, и его отбросило назад, не давая стрелять. В следующее мгновение с крыши сверкнула молния – и ракета влетела прямо в люк «Субурбана», разорвав и Ти Джея, и всех остальных, кто был в машине, на куски.

Первыми отреагировали британцы – за пулеметом стоял опытный специалист, воюющий уже лет десять, а до этого столько же отслуживший в британской морской пехоте. Их машина шла четвертой в колонне, он навел ствол пулемета, надежного, мощного и безотказного ПК, и дождал спуска. Пулемет застучал, пошла лента, струя трассеров ушла точно в цель – и человек на крыше, уже наводивший гранатомет снова, чтобы выпустить в цель и второй заряд, не успел. Струя уперлась в него на мгновение – и он полетел с крыши, а заряд, все-таки выпущенный, воткнулся в дувал между второй и третьей машинами, лопнув огненной вспышкой и обдав всех осколками.

Кролик-один перехватил автомат. Стрелять он не стал – «Хаммер» был бронированным, а он не видел целей. Сейчас самое главное – уйти с места засады, прорваться любой ценой.

«Субурбан» после попадания ракеты пошел вправо, ткнулся в дувал и остановился, дымя – шли не на скорости, инерции не было никакой...

– Влево! – заорал агент, искренне надеясь, что водитель за рулем понимает английский язык. – Влево и вперед! Объезжай!

Водитель кивнул – и вдруг со всей дури вывернул руль не влево, а вправо, нажав на газ. «Хаммер» ювелирно влетел как раз в открытые невесть кем ворота виллы, напротив которой он находился, уходя из поля зрения четвертой машины, пулеметчик на которой еще имел шансы решить точным пулеметным огнем исход поединка и лишая себя всякой возможности для маневра.

За рулем третьего «Субурбана», в котором ехали американцы, был также американец. Он поступил так, как учат поступать при обстреле, как предписывает инструкция. В бардаке рассуждать некогда – и поэтому водитель должен ехать точно туда, куда едет следующая перед ним машина, а не искать какие-то свои пути. Вторая машина повернула направо, он это отчетливо видел – и потому он тоже нажал на газ, думая, что водитель второй машины увидел путь, как можно выбраться из этого проклятого лабиринта.

– Какого черта?!

Кролик-один не успел ничего понять – водитель, толкнув бронированную дверь вывалился из-за руля. Он просто не понял, что водитель машины, в которой он ехал, играет на стороне нападавших. Вместо того чтобы выстрелить водителю в спину, он лихорадочно схватил руль. Но было уже поздно, «Хаммер» на скорости миль двадцать в час врезался в кирпичную стену виллы. Водительская дверь от удара распахнулась еще шире.

Следующий за ними «Субурбан» не успел затормозить и ударил в зад «Хаммера». Машины были длинные, особенно «Субурбан», да и моджахеды, готовившие террористическую акцию в большой спешке – не рассчитали, что если «Хаммер» въедет во двор, а потом за ним въедет и «Субурбан» – то ворота закрыть будет невозможно. Но они и рассчитывали на одну машину в своей ловушке, а не на две.

Идущий в колонне четвертым «Форд» тормознул прямо напротив распахнутых ворот виллы – и пулеметчик, который был еще жив, мгновенно оценив ситуацию, открыл прикрывающий огонь. Корма «Субурбана» засверкала искрами, завизжали рикошеты – но целиться было некогда, а машины были бронированными. Этот огонь принес свои плоды сразу – двое из тех, кто рванулся к распахнутой передней двери «Хаммера», упали как подкошенные посреди двора. Тем не менее часть того, что задумали, они успели сделать – бросили в распахнутую дверь «Хаммера» на водительское сиденье большую полицейскую гранату со слезоточивым газом, моментально выпустившую в салон «Хаммера» убойную концентрацию CN. Граната была предназначена для открытых пространств, для борьбы с демонстрантами – и концентрация газа в салоне «Хаммера» в секунду стала невыносимой.

Группа прикрывающего в соседнем высотном здании открыла шквальный огонь по «Форду» из автоматов Калашникова. После смерти гранатометчика от группы прикрывающего остались двое, у одного был АК-47, у другого РПК. Пулеметчик талибов погиб почти сразу от ответного огня американских охранников, автоматчик остался один. Тем не менее оставшийся террорист находился в очень выгодной позиции, потому что он имел возможность обстреливать американцев, прячущихся за машиной от огня со двора виллы. Автоматчик подобрал пулемет, который остался от погибшего моджахеда, и, не высовываясь, полоснул длинной очередью наугад. Лучше бы он, наверное, не отстрелялся, даже если бы целился – один из охранников был убит, а тот, что стоял за пулеметом, был тяжело ранен и прекратил огонь.

Один из оставшихся охранников, определив, откуда стреляют, сорвал со снаряжения гранату, вырвал чеку и с ювелирной точностью, словно мячик для бейсбола, отправил в окно, откуда велся огонь. Автоматчик как раз бросился от него прочь, но не успел, силы взрыва придали ему ускорение – и он упал с несколькими ранениями от осколков, контуженный и умирающий.

Дальше все произошло одновременно. Снайпер талибов, вооруженный тяжелой винтовкой, навел ее на бронированный грузовой отсек «Форда» и нажал спуск. Пуля, даже не пуля, а самый настоящий снаряд, подкалиберный, с вольфрамовым сердечником, легко проломил кустарно установленную броню, которая выдерживала очередь АК-47 в упор, тело бывшего британского морского пехотинца, на котором был бронежилет – насквозь, еще один слой брони – и на излете ударила в стену дома напротив, за немногим не пробив и ее. В этот же момент появившийся во дворе боевик, невысокий, коренастый и в маске, открыл с колена шквальный огонь из пулемета ПК, удерживая его за сошки. Град пуль, вперемешку бронебойных и трассирующих, ударил по «Форду», не пробивая его насквозь, но заставил оставшихся в живых телохранителей потерять инициативу и залечь за машиной, не смея высунуться из-за града пуль. В этот же момент водитель третьего «Субурбана», не поднимаясь, переключил коробку передач на задний ход и даванул на газ.

«Субурбан», взревев семилитровым мотором, рванулся назад, со всей силы ударил пикап – но разгона, чтобы столкнуть его и вырваться из ловушки, у него не хватило. Зато удара хватило, чтобы двое из троих укрывавшихся за ним гардов были тяжело ранены. Оставшееся про-

изошло за считанные секунды – снайпер, перезарядивший свое чудовищное оружие, выстрелил по моторному отсеку «Субурбана», пробив насквозь двигатель. Оставшиеся в живых гарды были добиты осколочными гранатами. Их бросали те, кто отличался от обычных моджахедов темными масками вместо черной чалмы Талибана и черного платка-шемаха, прикрывающего лицо. Организованное сопротивление колонны было подавлено.

Ночь, которая обещала быть томной, за минуту превратилась в бойню, в дичайший кошмар...

Конгрессмен Русецки даже не успела испугаться, да что там испугаться – она не поняла, что происходит. Впереди что-то хлопнуло, она не видела вспышки, потому что граната разорвалась в салоне головной машины. Их охранник заорал водителю, чтобы ехать левее, но водитель резко вывернул вправо, нажал на газ – и они влетели куда-то, а потом машина ударилась обо что-то так сильно, что ее бросило на спинку переднего сиденья, едва не вышибив дух. Что-то заорал на незнакомом языке генерал, их разделял широкий, полуметровый тоннель, и он ничем не мог ей помочь. Она не успела прийти в себя после удара, перед глазами плавали какие-то круги, как вдруг что-то зашипело, и все – рот, нос, глаза, лицо – обожгла волна нестерпимой боли...

В этот же момент Марк Уильямс совершил то, чего нельзя делать ни при каких обстоятельствах. Оказавшись в критической ситуации, этот «боец невидимого фронта», так легко рассуждавший о ночных рейдах по Кабулу, совершенно потерял голову. А когда невидимая кувалда ударила по моторному отсеку так, что содрогнулась машина, когда от удара вздыбился капот, полностью закрывший обзор, он в панике рванул ручку двери и вывалился из машины. Этого делать было ни в коем случае нельзя, машина была бронированной, и хотя бы пулям ПК она вполне могла противостоять, а талибам тоже было нельзя бездумно стрелять по машине, потому что в ней были заложники, которых они хотели взять живыми. На этот случай были приготовлены небольшие заряды пластида, чтобы вскрыть двери, благо в американских машинах, в отличие от тех же русских, почти всегда отсутствуют бойницы, чтобы отстреливаться. Но Марк Уильямс облегчил им задачу, открыв третью машину. В нее тут же сумели забросить гранату со слезоточивым газом, а сам агент ЦРУ не успел пробежать и десяти шагов, как ему по голове как камнем хватило и он, потеряв сознание, грохнулся на дорогу.

Генерал, у которого был пистолет, даже не попытался выстрелить в лезущих в машину террористов. Зато попытался Кролик-один – он почти ничего не видел, газ сжег ему глаза, но рука по памяти нашла пистолет, он выстрелил наугад и, возможно, даже в кого-то попал. Ответный выстрел отправил его в края доброй охоты...

Отход у боевиков был хорошо отработан. Заложников было много, намного больше, чем они рассчитывали взять, но заложников много не бывает, за каждого можно что-то получить, тем более – за таких заложников. Их проволокли через виллу и выволокли на соседний участок – там дувал был, а дома не было, дом в свое время разрушили сами талибы неизвестно почему. Зато там лежали стройматериалы, штабеля кирпичей, накрытые брезентом, и тут же, накрытые брезентом, стояли два микроавтобуса «Тойота» в расцветке машины «Скорой помощи» и с мигалками. Заложников быстро обыскали – у генерала отняли пистолет и ударили прикладом по голове, остальных кого связали, кого нет, видимо, не оказалось достаточного количества веревок, чтобы связывать. Их распределили по машинам, положили на пол, а сами талибы расселись по машинам и поставили на заложников ноги. После чего обе машины выехали на улицу, на соседнюю улицу, и путь их лежал в сторону дороги, ведущей в Джелалабад. Конечно же, никто не собирался ехать в Джей-Бад на скорых, просто на окраине заложников должны были принять другие люди на других транспортных средствах.

Ворота виллы закрыл мальчишка, бача, он же забрал брезент и привел все в порядок, чтобы никто сразу не понял, как ушли террористы. Еще он увидел на земле автомат, который в суматохе обронили, и, конечно же, подобрал его, он уже отлично знал, что в этой жизни насто-

ящая сила, а что так, труха. Нет, он не был сторонником Талибана, потому что был слишком мал. Просто ему дали двадцать долларов...

25 июля 2015 года Пакистан, Пешавар CIA SAD Romeo

Исламский мир, как и любой другой из стран третьего мира, которые не выбрали еще в двадцать первый век, а продолжают находиться в лучшем случае в веке восемнадцатом – он темен, страшен, дик, непонятен для постороннего. Для постороннего! В то же время – он прост для своего и в чем-то очень наивен. В отличие от развитого общества некоторые вещи там не подвергаются сомнению, а свой всегда остается своим, его не подозревают, если к тому нет поводов. Именно поэтому американцы, чужаки, едущие на Toyota Land Cruiser и носящие темные очки, вполне серьезно вели переговоры несколько месяцев с «высокопоставленным представителем движения Талибан», который на поверку оказался мошенником, бывшим парикмахером из Пешавара, который таким образом поимел с глупых кяффиров несколько сот тысяч долларов и много, очень много внимания. Именно поэтому группа Ромео, в которой были люди, имевшие многолетний опыт войны здесь, которые знали язык и обычаи пуштунов и которые внешне не отличались от пуштунов, могла проходить через защитные барьеры Аль-Каиды, как нож сквозь масло.

Да их, по сути, и не было, этих защитных барьеров. Уже десять лет здесь складывалась совершенно невыносимая ситуация: все про всех знают, никого ничего не устраивает, никто ничего не может сделать, все мило и относительно пристойно, только вместо торта в лицо можно получить пулю. Была ИСИ, пакистанская межведомственная разведывательная служба, к которой были прикомандированы американские и британские специалисты, они вроде что-то делали, но все это было видимостью борьбы с терроризмом, потому что ИСИ как раз и была основным куратором Талибана – использовать эту службу в борьбе с Талибаном, это все равно, что поставить вампиров заведовать сбором донорской крови. Американцы это понимали и усиливали афганскую разведывательную службу РАМА, которая была уникальна тем, что при ней состояли кураторы от американского CIA, русской СВР и индийской RAW, но которая от этого не становилась эффективнее, потому что в ней работали те же афганцы, которые думали о своем будущем. Была негласная договоренность относительно пределов применения силы – американцы просто не могли нанести удар по многомиллионному городу, а нормальных оперативных возможностей в Пешаваре для замены силовых акций на агентурные они не имели. Таким образом, Пешавар и окрестности оставались одним из самых безопасных мест для террористов Талибана и Аль-Каиды, наверное, даже если бы мулла Омар вышел прогуляться по пешаварскому базару – с ним бы ничего не случилось.

Сергей, бывший офицер Каскада-4, «язычник», владеющий и пушту, и дари в совершенстве, покрутившись по рынку, убедившись в отсутствии слежки, зашел в лавочку и не спеша перекусил – здесь вообще нужно все делать не спеша, если не хочешь провалиться, местные воспринимают время совсем по-другому. Перекусывая – плов он брал руками, как и положено пушту, – он заметил высокого по китайским меркам китайца в кожаной куртке и запомнил его, потому что это был не первый китаец, который крутился здесь на рынке, и по некоторым малозаметным признакам Сергей понял, что они крутятся тут не просто так. Это могло привести к проблемам, потому что китайцы друзья только самим себе, ни американцы, ни русские не могли назвать их своими друзьями. Китаец в кожаной куртке заказал что-то мясное, в этот момент у него зазвонил телефон, он начал громко и раздраженно разговаривать, не обращая внимания на то, что происходит вокруг. Впрочем, вокруг ничего особого и не происходило – еще один пуштун, невысокий, чуть сгорбленный, обутый в «крутые» американские десантные ботинки, которые воруют с караванов и здесь, на базаре, продают – спокойно доел свой плов,

расплатился с хозяином, который тоже был пуштун, перекинулся с ним парой слов на пушту и вышел на торговую улицу.

Еще немного покрутившись по улицам, Сергей дошел до караван-сарая, местной гостиницы не из лучших, довольно опасной, потому что здесь много сторонников Талибана и бывают полицейские облавы. Пробовали подкатиться уже и к ним, прибывшим из провинции Нангархар, чтобы сделать покупки на базаре и продать то, что у них есть, но человек, известный американской разведке как «Ромео-сорок», спокойно объяснил вербовщикам, что не думает идти на джихад, потому что его племенная группа занимается контрабандой и торговлей, платит закят, и их все устраивает. Настаивать вербовщики не стали – на джихад не идут силком, а с пуштунами выяснять отношения не стоит, это они уже уяснили. Пуштуны здесь – это то, на чем держится все здесь, если пуштуны отвернутся от них – исламскому сопротивлению в этом регионе придет конец.

Человек по кличке Ромео-сорок, а по имени Николай Дмитриевич Протасов (настоящее имя свое он не произносил вслух уже более десяти лет), спокойно сидел в комнате с товаром, который они привезли сюда на продажу. Ворованное американское снаряжение, обувь, палатки, форма – в общем, все, чем можно пожить в разграбленном караване и что шло здесь на ура, и читал местную газету. Несмотря на возраст, он читал ее без очков.

– Ассалям Алейкум, – поприветствовал его Сергей, чуть поклонившись, как это делают пуштуны, – да пребудет с вами милость Аллаха.

– Ва алейкум Ас-салям, – ответил «пуштунский вождь», – и тебя да не оставит Аллах своей милостью. Скажи, прошел ли ты по базару и по городу?

– Прошел, эфенди.

– И что сказали тебе твои глаза?

– Мои глаза сказали мне, что товар, который мы привезли, здесь будет пользоваться спросом и торговля наша будет прибыльна, если на то будет воля Аллаха.

– Расскажи мне о товаре, который продают здесь.

В этот момент «пуштуны» включили установку, которая препятствует прослушиванию, это сделал Сергей, а Ромео-сорок включил погромче магнитофон, где крутились песни из последних индийских фильмов, которые здесь были популярны, как и двадцать лет назад.

– У него несколько точек, – сказал негромко Сергей, – никто не знает, где он будет ночевать следующую ночь. И с ним – постоянно не меньше тридцати человек. В основном пакистанцы из спецотряда. Командует охраной Забибулло.

– Старый черт...

Забибулло был хорошо известен русским – его банда порядочно наследила в том же Нангархаре с восемьдесят пятого по восемьдесят седьмой, участвовала в хостинских событиях. Уничтожить этого удачливого командира боевиков, связанного напрямую с бригадиром Омаром, куратором афганской вооруженной оппозиции от ИСИ, так и не удалось.

– Тем не менее есть точки, где он бывает постоянно, – продолжил Сергей, – там его можно поймать, если запастись терпением.

– Мечеть?

– Она самая. Пятничный намаз – святое, он не может не показаться там.

– Какая именно?

– Никто не знает. Но у нас нет иной возможности. Мы не можем знать, где он будет ночевать, мы не можем распылять силы. У нас только один шанс, при неудаче он уйдет на дно. И уже не покажется на поверхности...

Постепенно явились остальные, веселые и шумные, настолько веселые, насколько могли быть веселыми обычно сдержанные пуштуны. Все они привычно перебрасывались репликами

на пушту, хвастались друг перед другом. В общем, вели себя, как и ведут себя обычно люди, которым в этот день сопутствовала удача.

Ромео-сорок выслушал всех, потом кликнул бачу, приказал принести шароп – виноградный самогон. Пить его никто не собирался – но люди, которым сопутствовала удача в делах, обычно так и поступают, тем более что на дворе ночь и Аллах этого не видит.

– Выход только один, – подвел итог Ромеосорок, – делимся на группы. Два человека в каждой. Оба работают как снайперы. Цели – основные мечети и медресе. Разведка... дальше снимаете квартиры и ждете. Цели вам известны. Точки сбора – тоже. Ложимся на дно.

Шароп вылили на пол.

Тот самый высокий китаец, который только что ел мясо в чайхане на пешаварском рынке, был, конечно, Джозеф Ли, полковник Главного разведывательного управления Народно-освободительной армии Китая. Вообще-то он не очень любил мясо – но сейчас ему нужно было именно мясо, баранина или даже безумно дорогая здесь говядина. Мясо было ему нужно для того, чтобы унять свой гнев.

Дело было в том, что талибы не согласовали с ним акцию в Кабуле, когда были похищены американские дипломаты – а это вызвало невиданную активизацию служб безопасности в самом Кабуле и неприятности здесь. Только недавно он имел неофициальный разговор с высокопоставленным представителем пакистанской разведки – с раздражением он воспринял саму мысль, что пакистанский разведчик вышел на него, и это значило, что он провален. Пакистанец был любезен – но сказал, что пакистанское государство не одобряет похищение американских дипломатов и ищет договоренностей с Китаем относительно совместного давления на талибов. Желание достичь договоренностей было понятно – если ИСИ в качестве меры наказания приостановит поставки оружия, а китайцы – нет, то никакого наказания не получится, просто китайцы перекупят своим оружием Талибан, а местные, пакистанские спецслужбы окончательно потеряют над ним контроль. Вот что будет, если не достичь согласованной позиции.

Съев мясо барашка с острым соусом и запив все это хорошим глотком шаропа³, полковник принял решение. Купив у уличного торговца дешевый, вероятно ворованный сотовый и сим-карту без регистрации – здесь их так и продавали, после того как продажа была запрещена в связи с использованием телефонов как детонаторов взрывных устройств, полковник прямо с улицы набрал номер в Шанхае, который он помнил наизусть. Этот номер принадлежал одной из крыш китайского ГРУ.

– Экспорт-импорт, добрый день, – раздался голос милой китайской девушки, которая, возможно, думает, что она и впрямь служит в фирме, занимающейся поставкой дешевых китайских товаров в развивающиеся страны.

– Это Ли из Пешавара, номер договора... – полковник продиктовал ей номер договора на поставку товаров, который и впрямь был заключен и по которому действительно поставлялись товары, – у меня последняя партия товара пришла с браком.

Слово «последняя» означало необходимость срочной встречи, возникшей неожиданно, «брак» – важность и серьезность ситуации. Но секретарь этого не понимала, просто это была стандартная коммерческая ситуация, и она должна была переключить разгневанного клиента на менеджера.

– Позвольте, я переключу вас на вашего менеджера, господина Вана.

Через какое-то время, заполненное китайскими национальными напевами, трубку взял Ван, он уже был кадровым офицером разведки и порученцем генерала.

– Добрый день, господин Ли. Что произошло?

³ Афганская виноградная водка, если ее сделать честно, не разбавляя всякой дрянью, то довольно вкусная.

– Произошло то, что у меня последняя партия товара пришла с браком, я не могу ее продать.

– Каков процент брака, господин Ли?

– Очень серьезный. Если товар не будет заменен, возможно, я прекращу с вами работать. Мне нужна встреча с вашим руководством, чтобы обсудить эту ситуацию.

Последняя фраза, ее настоящий смысл был понятен и дураку.

Трубка какое-то время молчала, было слышно лишь негромкое пощелкивание клавиш на клавиатуре компьютера господина Вана.

– Возможно, мы вам просто заменим товар? – осведомился менеджер.

– Нет, я хочу поговорить с вашим руководством. Брак мне приходит не первый раз.

– Хорошо. Вы в Пешаваре?

– Да.

– Очень хорошо, господин Ли. Один из наших самолетов как раз находится в аэропорту Пешавара. Вылет через два часа. Если вас это устроит...

– Да, устроит.

– Тогда приносим вам свои извинения, господин Ли. Будем рады видеть вас в Китае.

Полковник Ли отключил телефон, продал его другому торговцу по дешевке, сим-карту предварительно вынул и забросил куда подальше. Потом кликнул такси.

Самолет и впрямь стоял на поле в Пешаваре, это был Y-8, списанный из китайской Народной армии в связи с поступлением на вооружение новых военно-транспортных самолетов⁴ и теперь занятый на перевозках шмурдяка и дешевой бытовой техники. В этот рейс сюда он привез партию сотовых телефонов, DVD-проигрывателей и телевизоров, а в обратный путь повез кое-что из одежды (кожа, дубленки) и полковника Джозефа Ли.

Генерал Вэй Чжолинь, он же Белый Дракон, член тайной, националистически ориентированной группировки Драконов в армии и спецслужбах КНР, ждал своего подчиненного прямо на аэродроме, с которого отправляли товары, на него он прилетел на борту небольшого правительственного самолета. Правительственный самолет генералу китайских спецслужб по должности не полагался, но он прилетел именно на нем, видимо, позаимствовал его у кого-то. Генерал был в гражданском и больше походил на старого китайского дедушку, чем-то раздосадованного. Возможно, тем, что у него мало внуков.

– Вы заставили меня оторваться от важных дел государственного значения, полковник, – сказал он, – будем надеяться, что весть, которую вы принесли мне, заслуживает моего внимания и моего времени.

– Господин генерал, в Кабуле несколько дней назад похищены американские граждане, в том числе и дипломатические работники, и афганский генерал.

– И это все? Я это уже давно знаю, в том числе из вашего же сообщения. Вы меня удивляете, полковник. Вы хотите сказать, что не можете справиться с последствиями?

Генерал говорил спокойно – но это никого не вводило в заблуждение. Точно таким же голосом в Китае приказывали расстреливать людей.

– Не только, господин генерал. Один из похищенных американцев, кажется, является сотрудником ЦРУ.

– И что, полковник? Если это так – работайте с ним.

Полковник увидел, что в глазах старого генерала на мгновение мелькнул интерес.

⁴ К описываемому времени Китай имел на вооружении Y-12 – аналог Ан-70 со скопированными движками и Y-14, аналог Ан-124, все это было разработано совместно с нищим украинским КБ Антонова и поставлено в большую серию. Ежу понятно, что самолеты, способные перебрасывать основные танки, ставятся в серию неспроста.

– Он слаб, господин генерал. И он расколется. Но если судить по записи, он уже сказал при первом допросе кое-что, что может заинтересовать лично вас, господин генерал, при всех государственных делах, которыми отягощены ваши плечи.

Генерал повел плечами, как будто пытался сбросить с них груз.

– Раз так – давайте, посмотрим.

26 июля 2015 года

Пакистан, окрестности Пешавара

Медресе Хаккания

Джума

Джума...

Пятница... святой день для каждого мусульманина. День отдохновения, день, когда можно побыть наедине с собой и обратиться к Аллаху. День, когда каждый мусульманин встает на праздничный намаз.

Решил встать на намаз сегодня и мулла Мухаммед Омар. Правда, сделать он это решил не в мечети, на виду у всех правоверных, а в доме, там, где на стене метка, отмечающая направление на Мекку, в окружении своих единомышленников и единоверцев. А после этого он решил поехать туда, где были его корни, где он чувствовал силу, где подпитывался силой, туда, откуда вышло само движение Талибан. В медресе Хаккания. Это решение и стало последним, которое он принял в жизни.

Медресе Хаккания – одно из самых известных и почитаемых медресе мира, его закончили по меньшей мере восемь министров, входивших в правительство Талибана, которое правило Исламским Эмиратом Афганистан в период его короткого существования. Его закончил и сам мулла Омар, в нем сейчас учились те, кто должен был продолжить джихад против неверных. Глядя на них, на продолжателей дела джихада, душа муллы исполнялась веры в грядущий таухид на всей земле. В грядущую мусульманскую империю без национальных границ.

История медресе Хаккания отсчитывается с сорок седьмого года, когда один из главных улемов медресе в Деобанде Маулана Абдул Хак уехал из Деобанда и основал собственное медресе в местечке Хаккания, недалеко от Пешавара, но он не основал новое медресе, он всего лишь продолжил гораздо более древнюю традицию деобандистов, медресе в Деобанде. Оно было основано 30 мая 1866 года в небольшой деревушке Деобанд в Индии, когда провалилось восстание сипаев и к власти пришло британское правительство. После провала исламисты сделали ставку на обучение, на подготовку кадров, и у них возникла необходимость в некоем стационарном учебном центре: до этого обучение нормам ислама в основном проводилось странствующими проповедниками и дервишами. Изначально медресе в Деобанде существовало за счет исключительно частных пожертвований и поэтому обладало определенной степенью независимости от индийского правительства. Постепенно в Деобанде сложилась собственная религиозная школа Дар ул Улум, и дело пошло настолько хорошо, что к концу девятнадцатого века Деобанд стал организующим центром для более чем двадцати медресе во всех частях Индии, а получить образование в Деобанде было очень престижно. Изначально в Деобанд брали на обучение как бедных, так и богатых детей, за обучение не брали ничего, принимали только пожертвования. Чему учили? А как думаете – когда страна под британской пятой, чему там могут учить?

Тем не менее Хаккания до начала восьмидесятых годов не была рассадником исламского экстремизма, ее идеи были направлены скорее на максимальное распространение идей ислама исключительно мирным путем. Например, движение «Таблиги Джамаат», основанное в 1927 году последователем деобандизма Мухаммедом Ильясом Кандхалави, провозглашало следующие основные принципы своей деятельности:

1. «Приглашение» в ислам – не задача богословов, но обязанность каждого мусульманина. В этой связи надо отметить, что «Таблиги Джамаат», как и деобандисты, были суннитами, а каждый мусульманин-суннит может выступать в роли священнослужителя.

2. Не должно ждать, когда люди придут на проповедь, но сам проповедник должен идти к людям.

3. Проповедники должны заниматься своим финансовым обеспечением самостоятельно.

4. В движении должны быть представители всех социальных слоев населения.

5. Должно укреплять веру тех, кто уже является мусульманином; обращение в ислам немусульман не так важно.

6. Главная цель – объединение всех мусульман; теологические и политические разногласия в движении запрещены.

Теперь скажите, где здесь радикализм, где здесь призывы к убийствам неверных? Их нет! Все это появилось в восьмидесятые, когда в религиозную жизнь региона был привнесен специалистами саудовского Мухабарат аль-Амма и ЦРУ США абсолютно чуждый на тот момент местному населению саудовский ваххабизм (по сути, исламский протестантизм) и агрессивный суннизм египетских «Братьев-мусульман». Все это было сделано исключительно для того, чтобы дестабилизировать весь регион, создать проблемы одновременно для трех государств – Индии, Китая и СССР, возродить в СССР басмачество, резко повысить уровень террористической угрозы в СССР. Все это делалось против СССР, но... не рой другому яму – свалишься сам. Вот и свалились – сами и истекали кровью в бессмысленной войне вот уже четырнадцать лет, а пламя страшного пожара не тухло – оно разгоралось все больше и больше...

Совершив ваххабитский намаз – два раката вместо положенных в традиционном исламе шести, – мулла Омар немного поел. Он ел мало и скромно, и это было вовсе не на публику – он и в самом деле был таким, один из подлинных рыцарей религии ислам в мире, где подлинного почти что и не осталось. Одевшись подобающим образом, он вышел во двор небольшой виллы, которая принадлежала движению, – там его ждали четыре автомобиля, четыре одинаковых «Ланд Крузера», которые пакистанцы купили на деньги, полученные от американцев в качестве помощи в борьбе с терроризмом. Вот так вот здесь боролись с терроризмом.

Охрану муллы Омара составляли шесть человек – абсолютно преданные ему люди во главе с Забибулло, тем самым, который вел его через заснеженный, непроходимый перевал в Пакистан, когда казалось, что все пропало. Их армия была разрушена, разгромлена, разбежалась – и осталось только полторы тысячи верных им людей, большинство которых погибло во время перехода. Но они прошли... Потом, когда вышли на территорию Пакистана – один из них просто вышел с автоматом на тропу навстречу пастуху – пуштуну... Их было тогда восемь человек, грязные, оборванные, замерзшие настолько, что пастухи пожалели их и накормили, чем смогли. Потом они приехали в Пешавар, там они выбросили автоматы и растворились в людской толпе, и так началась история нового сопротивления. Шестеро из тех, кто прошел тогда с ним перевал, были с ним и сейчас, люди из стали, которые никогда не предадут, седьмым был сам мулла Мухаммед Омар, а восьмым был человек, имя которого не стоило лишней раз произносить даже сейчас, в кругу самых преданных и верных движению людей. От этого человека во многом теперь зависело существование самого Талибана, он был вхож на самые верха.

Второй круг охраны составляли люди из сто одиннадцатой бригады – придворной, особо подготовленной части пакистанской армии, непосредственно она совершила все военные перевороты, какие только совершались в Пакистане. Неразговорчивые, бородатые, в основном с бритыми наголо головами люди с автоматическими винтовками и в военной форме – они стояли и на въезде во дворик дома, и у машин, готовые ко всему. Никто не испытывал никаких иллюзий – американцы при каких-то обстоятельствах могут отследить их через спутник или через БПЛА и нанести удар – просто удар. Этот удар во многомиллионном городе будет означать начало полномасштабной войны Пакистана с Афганистаном, а возможно, и с США из-за грубого нарушения норм суверенитета. Ничего же другого – мины, гранатомета, засады убийц – здесь бояться не стоило, чужих здесь нет, любого чужого выследят и донесут незамедли-

тельно, против врагов из конкурирующих банд или небольшой группы спецназа этой охраны вполне достаточно. Мулла считался защищенным на сто процентов... хотя нет, не на сто.

На девяносто девять.

Как только он ступил во двор, один из пехлеванов раскрыл над ним большой черный зонт, похожий на старый английский, с длинной и крепкой ручкой. Дождя не было, но эта примитивная мера защиты не давала американцам опознать объект с космоса и с помощью БПЛА. Несколько шагов по двору – и вот охраняемое лицо уже в машине, боевики личной охраны и бойцы сто одиннадцатой бригады рассаживались в соседние. Раскрыли двери – и кортеж выкатился на оживленную улицу – народонаселение Пешавара росло так быстро, что даже тихие улочки пригородов теперь были оживленными.

Мулла не давал указание водителю, куда ехать – водитель и так все знал. Сначала – медресе Хаккания, потом – аэропорт, где в одном из ангаров назначена встреча с каким-то человеком. Мулла не светился лишний раз, но вел никак не затворнический образ жизни, он встречался с людьми и даже с журналистами. Все могли его найти, кроме ЦРУ США.

По окружной – она так и называлась Outer Circular road – они выкатились на нужную развилку и встали на дорогу, ведущую в местечко Хаккания, почти пригород Пешавара. Машины шли ходко – это была вполне современная трасса, бетонная, многополосная, по обе стороны – рекламные щиты с рекламой. Рекламировали в основном индийские фильмы.

Медресе Хаккания представляло из себя большое, разлапистое здание традиционной архитектуры: приземистое, с куполом, с чем-то наподобие открытой террасы, идущей по всему периметру здания, все здание было украшено рисунками, в отличие от печально знаменитой Красной мечети⁵ доминирующий цвет здесь был голубой. Рядом не парковались машины, и вообще здесь мало кто ездил на машинах, считалось харамом подъезжать к медресе на машине. Но для муллы Омара, конечно же, было сделано исключение. Когда машина, в которой находился мулла, плавно затормозила у главного входа в медресе и охранники разбежались по своим секторам, обеспечивая периметр, мулла открыл дверцу машины...

– Субхана-кя, Аллахумма...

По крайней мере водитель потом поклялся на Коране, что мулла сказал именно это. Интересно, с чего бы... Может быть, он и в самом деле был святым, ведь для мусульман он сделал столько, сколько сделал мало кто из живших на земле. А может, он просто предчувствовал, что произойдет. Как бы то ни было – он шагнул из машины.

Шаг. Второй. К низким ступеням, ведущим к основному входу в медресе – там уже собрался класс, там будущие мученики за веру ждут его слов – слов веры и войны. Еще шаг, нога проскальзывает и...

Мулла Омар падает в абсолютной тишине, и кровь его орошает ступени медресе Хаккания...

Первыми опомнились не пехлеваны из личной охраны, а бойцы из сто одиннадцатой бригады – все-таки они были военными, военными не из худших, и видели смерть во всех ее проявлениях. Машина закрывала то место, где стоял мулла, и один из бойцов подскочил к лежащему мулле, перевернул его на спину и понял – все.

С концами.

– Там!

Один из бойцов показал пальцем.

Шокированные пехлеваны и бойцы охраны не заметили, как вокруг собиралась толпа, как из здания медресе выскочили уже больше ста человек в черных чалмах и продолжали

⁵ Комплекс мечети и медресе в Исламабаде, очень крупный. Находился под контролем экстремистов, был взят силами полиции и армии с десятками, если не сотнями человеческих жертв.

выскакивать все новые и новые, и со сторон тоже сбегалась толпа, потому что где-где – а вокруг медресе Хаккания истинно верующих, сиречь ваххабитов – всегда более чем достаточно.

– Сэр, он умер! – сказал тот боец, который пытался понять, что с муллой.

Эти нехитрые слова пронзили толпу, подобно электрическому разряду. Здесь собрались люди, которые были привычны к крови и смерти, которые готовились к тому, чтобы убивать неверных и самим стать шахидами на пути Аллаха – то есть пасть в бою. Многие из них уже были напичканы ненавистью настолько, что готовы были грызть неверных зубами и рвать руками. Перед ними были военные, здесь учили, что это – прислужники тагута, которые угнетают правоверных и жизнь которых разрешена любому правоверному. Требовалось только слово, чтобы толпа сорвалась подобно неуправляемой лавине – и слово это прозвучало.

– Они убили его!!!

– Аллах Акбар! – визгливо выкрикнул кто-то.

Последнее, что успел сделать боец, который пытался помочь мулле, – он вскинул винтовку и дал короткую очередь в упор по толпе. Потом – разъяренная толпа погребла его и разорвала на части, его и всех его сослуживцев, и хорошо, если кто из них сумел забрать с собой хотя бы одного из экстремистов. Потом истерзанные трупы солдат и охранников понесли по Хаккании, по пути поджигая и убивая, вышли на дорогу к Пешавару, где наспех создавался заслон из полицейских и военных – кого успели собрать. Видя накатывающий на жидкую цепь солдат людской вал, их командир крикнул «Огонь!» – и кто-то из полицейских и солдат открыл огонь, а кто-то в панике бросился бежать. Из толпы тут же открыли огонь ответный – у тех, кто приходил зачем-то в медресе Хаккания, оружие всегда имелось при себе. Заслон смяли, уцелевших растерзали и пошли дальше. На окружной дороге спешно выстраивался заслон уже с танками...

– Есть!

Снайпер соскочил с верхотуры, на которую он залез, чтобы иметь нормальный сектор обстрела, в руках у него была винтовка.

– Ты что, брось!

– Точно сделал?

– Он упал. Я видел попадание.

Больше ничего сделать было нельзя.

Снайпер бросил винтовку.

Вместе они выбежали к машине – старенькому, но в неплохом состоянии японскому пикапу «Тойота». Двигатель схватился с полтычка.

– Сейчас все переключат.

– Прорвемся...

– Не гони!

Полицейский выскочил под колеса – и упал, отброшенный кенгурятником пикапа в сторону.

– Черт... Теперь затравят.

– Не каркай! – сказано было по-русски.

Резкий поворот – пикап вылетает на встречу, проехав так немного, опять ныряет на свою полосу. Только бы не вертолет, прицепится вертолет – хана.

– Давай влево! Там сменим машину!

Пикап резко поворачивает, бьет по дороге кого-то, машины сталкиваются с громким стуком – но водителю все же удается заправить неповоротливый пикап в поворот.

– Срываемся! Срываемся!

Машина снова резко поворачивает, хрястко бьется кузовом об стену, продирается по переулку, полному каких-то нечистот. Вой сирен на главной улице – за ними уже начата охота. Еще поворот, машина влетает во дворик.

– Чисто!

Уходить лучше всего ногами, машину будут искать, в том числе с воздуха. Потом можно будет угнать еще одну или переждать где-то до темноты. Они не смогут оцепить город так, чтобы «мышь не проскользнула» – и по темноте можно будет уйти.

– Брось! Не закрывай!

Оружие брать с собой не следует, автомат лучше оставить в машине – не стоит его светить, тем более есть пистолеты. И закрывать машину на ключ тоже не стоит – если местные решат угнать ее или разобрать на запчасти, то так и лучше.

– Пошли.

Двое бегут к выходу со двора, там – проулок, нищий, грязный, стена, через которую можно перелезть. Они не раз выпутывались и из более скверных ситуаций, один горел в бронетранспортере в Кандагаре в восемьдесят пятом – тогда они были в окружении, духи окружили колонну и били со всех сторон. Сейчас руки есть, ноги есть, голова есть, оружие есть, деньги есть, документы есть. В крайнем случае можно обратиться в американское консульство, назвать пароль – они его знают. Хоть и противно но...

– Аллах Акбар!

Длинная автоматная очередь гремит из-за спины. Один из стрелков падает сразу, как споткнувшись, замирает, второй еще пытается ползти, царапая руками землю.

Пацан лет пятнадцати, босоногий, одетый в лохмотья, с автоматом АК, приклад и цевье которого перемотаны разноцветной проволокой для красоты – осторожно, опасно спускается на землю по лестнице, ведущей в его убогое жилище. Эта лестница прикрыта растущим деревом чинары, и ее не видно. Но стрелять из окна можно.

Один из двоих, кто еще жив, пытается перевернуться, чтобы встретить смерть лицом к лицу, и не может. Короткая очередь выбивает из него жизнь.

Аллах Акбар...

25 июля 2015 года

Техас, США

Фредериксбург

Переход границы штаб-сержантом Морской пехоты США Грегори Нуланом и сдача его представителям органов правопорядка, причем не кому-нибудь, а шерифу города Фредериксбург Квентину Хаггису, ставшая известной прессе, немало подлила масла в огонь в и так расколотое общество. Кроме того, все произошедшее имело не один смысл, а несколько и наталкивало на самые разные выводы.

Прежде всего вопрос был в правосудии. Судя по тому, что сделал Грег Нулан – мексиканское правосудие не очень-то поторапливалось арестовывать троих молодых людей, подозреваемых в убийстве первой степени. Все они, особо не скрываясь, жили в Сьюдад-Хуарес на полулегальном положении, занимались наркоторговлей, трахали доступных женщин, которых в Сьюдад-Хуарес немало, и вообще наслаждались доступными радостями жизни. Они совершенно не опасались ареста за то, что жестоко убили паренька в Соединенных Штатах Америки, облили его бензином и подожгли. Сомневаться в приговоре техасского суда присяжных в отношении того единственного ублюдка, которого Грег Нулан притащил через границу живым, не приходилось – смертная казнь через смертельную инъекцию. Более того, факт взятия одного из убийц брата живым и доставка его в США со сдачей правоохранительным органам давал будущим защитникам штаб-сержанта Нулана сильнейший аргумент на суде: штаб-сержант Нулан отправился в Мексику не для того, чтобы убивать всех, кого он там встретит, а для того, чтобы совершить правосудие.

С другой стороны, лучше бы Грег Нулан грохнул этого ублюдка там, вместе с остальными, потому что его нелегальная переправка в США и вообще сама процедура его захвата сулила немалые проблемы. Ублюдок по имени Альфредо Бентес стал для мексиканской части Соединенных Штатов Америки немалым раздражителем. Прежде всего возникал вопрос о законности самого ареста и препровождения его в США. До его фактического захвата и переправки в США судья успел выдать ордер на его арест по подозрению в убийстве первой степени, поэтому Грега Нулана можно было считать кем-то вроде нештатного судебного исполнителя, исполнившего ордер американского судьи. Американское законодательство не замыкается только в пределах США, прецеденты, когда нелегально действующие группы американских правоохранительных органов захватывали в других странах и доставляли в США для суда, имели место еще в начале девяностых, после взрыва Всемирного торгового центра в девяносто третьем одного подозреваемого группа агентов ФБР захватила в Афганистане и доставила в США. Грега Нулана никто не уполномочивал действовать в Мексике, однако, по законодательству Техаса, судебный ордер может исполнить любое лицо, а не только сотрудник правоохранительных органов. Что же касается бойни, устроенной Нуланом в окрестностях Сьюдад-Хуарес, – в ходе нее не погиб ни один сотрудник правоохранительных органов и ни одно гражданское лицо, мексиканцы это хоть с неохотой, но признали. Все погибшие были вооружены и оказали вооруженное сопротивление, кроме того, все они были бандитами Зетас.

Таким образом, в руках у американской юстиции оказалось два «героя дня» – Грег Нулан и Альфредо Бентес. Дело каждого из них было неоднозначным, и за каждым делом стояли мощные группы поддержки. Население Техаса – белое – устало от мексиканских разборок, от наркотиков, от бандитов на границе, и то, что сделал Грег Нулан, сержант, награжденный в Афганистане одной из высших наград США, делало его героем в глазах этих людей. Когда задело его – он пошел и свершил правосудие, такое поведение хорошо ложилось на киноленту и могло быть показано в любом остросюжетном боевике или вестерне, более того, Голливуд уже подсу-

етился, и агенты пытались пробиться к Нулану, сидящему пока не в гражданской тюрьме, а на гауптвахте Форт-Худа, чтобы подписать с ним договор на книгу и экранизацию этой истории. Настойчивость агентов Голливуда была столь неуместна, что командующий базой был вынужден вызвать дополнительные силы военной полиции, чтобы сдерживать этих самых агентов, а еще и митингующих около базы, как белых, так и мексиканцев, между которыми в любой момент могла произойти кровавая стычка.

С другой стороны был Альфредо Бентес. Свой для значительного количества мексиканского населения юга США. В их мифологии было место «благородным разбойникам», людям, которые грабят богатых и отдают награбленное бедным. И еще они ненавидели Америку. Да, да... они жили в этой стране, но они ее ненавидели. Переправившись через Рио-Гранде, они жили здесь на птичьих правах, нелегально работали за копейки, не могли рассчитывать на медицинскую помощь, потому что она стоила дорого, а страховки не было почти ни у кого. Многие приторговывали наркотиками и оказывали иную помощь Зетас и прочим наркомафиозным группировкам, у многих имелось оружие, молодежь сбивалась в вооруженные банды, самой известной из которых была Latin Kings. После попытки государственного переворота в Мексике и массовых беспорядков в США – граница-то дырявая! – хлынули тысячи участников этих беспорядков, спасаясь от уголовного преследования за совершенное ими, большей частью – за убийства. Более того, после попытки переворота и после усиления сотрудничества между мексиканскими и американскими правоохранительными органами – а всякое действие рождает противодействие – криминальные организации в Мексике стали перерождаться в террористические, внедряя своих людей на юг США, создавать отряды боевиков, террористические ячейки. Основой консолидации мексиканцев на юге стала идея Атцлана, мифического государства мексиканских индейцев, живущего по коммунистическим законам. Легальным политическим крылом сепаратистов стала La raza, «Раса», организация, открыто проповедующая расизм как основную идеологию. Начало этой идеологии положил мексиканский философ Хосе Васконселос в своей работе «La Raza Cosmica», опубликованной еще в 1925 году, в ней он объявил о появлении новой Пятой или Космической расы. Она возникнет на основе латиноамериканской расы, которая будто вобрала в себе всё лучшее из остальных рас, и следует сделать вывод, что она и будет лучше остальных. Он утверждал, что Ибероамерика благодаря своим духовным и расовым факторам инициирует универсальную эру человечества. Весь этот бред повторялся малообразованными мексиканцами, как откровения Святого Петра, но религия эта была лишь прикрытием для далеко идущих планов транснациональных мафиозных картелей, решивших создать собственную страну – второе следом за Афганистаном наркогосударство и первое на Американском континенте.

Война началась с малого...

Вторая гражданская война в США началась в Эль-Пасо, где из Сьюдад-Хуарес границу перешла крупная вооруженная банда, входящая в состав Зетас. Границу они перешли без особых проблем, потому что некоторые из них были... полицейскими. Да-да, самыми настоящими мексиканскими федеральными полицейскими. Именно по их удостоверениям в США на трех черных «Субурбанах», используемых мексиканской федеральной полицией и легко бронированных, в страну въехала настоящая банда, состоящая из четырнадцати хорошо вооруженных и подготовленных боевиков.

Задача у них была простая – въехать во Фредериксбург, захватить офис шерифа, освободить единственного оставшегося в живых zetas – Альфредо Бентеса и вместе с ним убраться. Машины их были легкобронированы, а боевики были вооружены до зубов: автоматы М4 и G36, состоящие на вооружении мексиканской федеральной полиции и спецподразделений, еще у них было семь подствольных гранатометов и три (по одному в каждой машине) пулемета М60, переданных из арсеналов ВМФ США мексиканцам в порядке оказания помощи. Еще у них были гранаты – осколочные и со слезоточивым газом. При захвате офиса разрешалось приме-

нять любые средства, разрешалось уничтожить всех, кто станет на пути, а путей отхода у банды было целых два – один в сторону морского побережья, второй – в глубь США, туда, где их не ждут. Все было готово – машины на стоянках, чистые документы, заранее снятые на посторонних лиц квартиры в пяти штатах, чтобы отсидеться, деньги на карточках в нескольких банках и на нескольких счетах. Подготовка к операции была проведена на самом высоком уровне, и если бы не героизм нескольких американцев – настоящих американцев, не колеблясь готовых пожертвовать своей жизнью ради того, во что они верят, чему служат и что защищают – им бы так и удалось «достать» Бентеса и уйти в Мексику безнаказанными.

Но произошло то, что произошло...

Шерифа Квентина Хаггиса в это время в городе не было – он выехал на срочный вызов. Опять перестрелка на дороге... с тех пор, как произошла эта проклятая бойня в кафе, случившаяся по милости двух молокососов... все шло кувырком. В городе появились посторонние люди... мексиканцы. В городе и так было полно мексиканцев – но это были другие мексиканцы. Часть – из «Расы», в том числе мексиканские адвокаты, которые уже подали иск против него в окружной суд, часть – мелкие хулиганы. За одну-две ночи все стены в городе были испачканы граффити, одного поганца с баллончиком схватили местные, притащили в участок – и тут же в бой вступили адвокаты. Это была тщательно просчитанная провокация, призванная парализовать деятельность управления шерифа Фредериксбурга, сделать жизнь в городе невыносимой и добиться как минимум его поражения на следующих выборах, а если повезет – то и выдвижения против шерифа уголовного обвинения. Самое страшное – все это действо свершалось в точном соответствии с требованиями закона и с постоянными упоминаниями конституционных прав, что выводило шерифа из себя, он скрипел зубами – но сделать ничего не мог. Фредериксбург был опасен сам по себе – мексиканский, по сути, город, охраняемый белым шерифом, которого жители выбирают раз за разом на выборах, обращая внимание не на то, что он белый, а на то, что при нем спокойно жить. Поэтому адвокаты, понятно кем профинансированные, даже деньги с арестованных счетов, добытые заведомо преступным путем, по закону можно свободно тратить на адвокатов – делали все, чтобы уничтожить мир и порядок в техасском городке Фредериксбург.

Несколько дней назад шериф сделал то, что он не делал вот уже более пяти лет – он одел бронезилет. Это был бронезилет фирмы Second Chance, второй шанс, он приобрел его, потому что по внутреннему распорядку каждый сотрудник правоохранительных органов должен носить бронезилет, но не носил его до недавнего времени. Почему? А приезжайте во Фредериксбург летом да посмотрите на столбик термометра – тогда все разом поймете. Вместо этого он держал за сиденьями свой старый, оставшийся со времен службы в морской пехоте бронезилет, но за все время службы ему довелось его надевать трижды, и все три раза это были экстраординарные случаи. Сейчас это был самый обычный день, была окружная дорога, была жара, от которой истекаешь потом и кипят мозги, и был отключенный кондиционер в машине. В последнее время, как топливо сильно подорожало, появилось много разных рецептов, как снизить расход топлива машиной, одним из них было отключение кондиционера, шериф так и сделал, потому что «Хаммер» свой любил и ни на какую новомодную малолитражку, способную на одном баке проехать от западного побережья до восточного, менять не собирался. Усилил он и свой арсенал, возимый в машине, – теперь при нем всегда был автоматический карабин M1A Спрингфилд со скаутским оптическим прицелом и заряженный пулями повышенной пробивающей способности. Могло случиться всякое...

Вызов был с самого начала странный, точнее, их было три, один за другим. Первый – драка и поджог машины, второй – нападение с применением огнестрельного оружия и вот сейчас – перестрелка. На последний вызов пришлось ехать самому – просто не было людей в офисе, все разъехались.

Сельская дорога вела к ранчо Матиссона, машин здесь почти не было. Поэтому внимание шерифа сразу привлек небольшой старый грузовичок выпуска еще далеких восьмидесятых годов, брошенный на пыльной обочине с распахнутыми настежь дверцами. Этот грузовик он никогда раньше не видел ни в городе, ни в окрестностях – это раз, и следов перестрелки на нем тоже не было видно – это два. Конечно, он не мог знать все грузовики в округе, но на этот непременно обратил бы внимание, потому что на таких развалах часто катается нетрезвая и ищущая приключений молодежь. Номер у машины был тexasский, но это ничего не значило...

Шериф остановил машину в нескольких десятках метров от пикапа. Какое-то время сидел в машине и смотрел, что происходит, пытаясь почувствовать опасность и играя на нервах у тех, кто, возможно, затаился и ждет его – обычный полицейский вряд ли предположил бы такое, но бывший морской пехотинец предположил именно это. Но никого не было – ни бандитов, ни стрельбы, только дорога, с одной стороны огражденная, за оградой поле с кукурузой, почти созревшей, с другой – пастбище, скошенное – спрятаться негде, поле голое, как стол, до ближайших строений ярдов семьсот, не меньше. Шериф неспешно достал из держателя карабин, вышел, пошел вперед и... упал, сбитый с ног пулей.

Это была именно та пуля, его пуля – которую не слышишь, свою пулю никогда не слышишь, и тому есть объяснение, пули чаще всего летят со сверхзвуковой скоростью, и если ты услышал пулю – значит, ты услышал только звук, но не саму пулю, пуля уже пролетела мимо. Эта пуля попала шерифу в левую верхнюю часть живота и должна была убить или вывести его из строя – снайперу было все равно, умрет он или нет, задача была вывести его из строя как минимум на два часа, и задачу он выполнил. Пуля эта была выпущена из русской снайперской винтовки Драгунова и была со стальным сердечником, она запросто могла убить человека – но не убила. Семьсот метров есть семьсот метров, и пуля, пролетев семьсот метров, теряет большую часть своей энергии. Эта пуля сохранила едва ли половину от той первоначальной энергии, которая у нее была – но и того, что оставалось, хватило, чтобы сбить шерифа с ног. Бронежилет спас его – но запреградное действие пули оказалось сильным, и у шерифа треснуло ребро.

В следующее мгновение, перекатившись по земле, он исчез за «Хаммером». Сделал он это так быстро, что снайпер промазал – пуля выбила фонтанчик земли там, где он только что лежал.

Снайпер... это был бывший снайпер мексиканской федеральной полиции, а теперь киллер, работающий на Зетас, пробормотал грубое ругательство сквозь зубы – все пошло совсем не так, как он планировал. Первым выстрелом он планировал сбить с ног, вторым – добить. Вторым не получился. Это была его ошибка – он должен был просчитать все. Снайперская винтовка Драгунова была хороша тем, что позволяла быстро сделать два относительно точных выстрела снайперскими патронами, у которых был стальной сердечник. Можно было взять М1 Спрингфилд, такую же, как, кажется, у этого, но к ней не было специальных патронов, только гражданские, которыми не пробить бронежилет. Он не был уверен и в том, что советская пуля сможет это сделать, решил, что сможет, и... просчитался. Если и смогла, то ранение оказалось не столь серьезным, чтобы обездвижить, цели удалось уйти. Но не все так плохо... Ему нужно только удерживать его здесь как минимум два часа, не давать ему ехать к городу. После этого он сможет бросить оружие и скрыться. Документы у него есть... Есть грин-кард, как только дело будет сделано – он просто уедет. Мертв к этому времени будет шериф маленького тexasского округа или нет – это уже неважно.

А если... если шериф попытается поиграть в снайперскую дуэль, то это будет даже забавно. Наверное, каждый профессионал живет ради того, чтобы встретить подобного себе и в поединке выявить, кто сильнее. Стрелять по парням, которые даже не подозревают, что в следующую секунду умрут, снайперу порядком поднадоело.

С противным треском лопнули сначала передняя левая, затем и задняя левая покрышки «Хаммера. Два точных выстрела за пять секунд – и транспорт обездвижен. Лежащий за «Хаммером» шериф выругался, он и не собирался рисковать, пытаясь завести машину, но теперь это точно не имеет никакого смысла. Машина обездвижена...

Да что за чертовщина творится в последнее время...

Раз уйти не получится – надо принимать бой.

Прежде чем снайпер успел опомниться – пули пробили лобовое стекло, прошли кабину – шериф открыл правую дверцу, выдернул из креплений снайперский «Сэвидж» и метнулся в кукурузу, прикрываясь «Хаммером». Забор был не из колючей проволоки – просто старомодный забор из слег. Он перевалился через него, чувствуя прицел на спине и в любой момент ожидая удара – и с облечением исчез в зеленых зарослях.

Пуля *проняла* левее, срезав, как ножом, несколько толстых, мясистых стеблей кукурузы. Это уже бессмысленный выстрел, от злости и бессилия.

Первым делом шериф осмотрел себя. Бронежилет не был пробит, он спас ему жизнь, но при каждом движении ощущалась боль. Пуля застряла в подкладке, ее тонкий носик пробурил так кевлар, разбив керамическую вкладку, но на большее его не хватило. Шериф достал складной нож и выковырял пулю, посмотрел ее – сильно похожа на армейскую триста восьмую, но все же что-то в ней не так. Решив разобраться с этим потом, шериф убрал расплющенный кусочек металла к себе в карман...

Потом тем же самым ножом он срезал и очистил початок, попробовал. До сахаристой зрелости еще далеко, но есть уже можно. Обгрызая початок, он осторожно, пригибаясь и стараясь не шевелить кукурузные растения, двинулся вправо.

В принципе он мог по этому кукурузному полю уйти от снайпера, добраться до жилья, где есть телефон, и вызвать подмогу. Более того, он был обязан сделать это, ни один из полицейских в здравом уме не станет охотиться на снайпера, возможно психопата, возможно, еще кого – в одиночку. Но шериф Хаггис понимал две вещи. Первая – пока он доберется до телефона, пройдет как минимум четыре часа, за это время снайпер уйдет, и может быть, он подстрелит кого-нибудь еще. Вторая – он, шериф округа Фредериксбург, возит в машине чертову тьму оружия совсем не для того, чтобы при первой серьезной переделке бежать до телефона. И в морской пехоте США он служил совсем не для этого. У него две винтовки, одна из них полицейская, снайперская, из которой он выпустил немало пуль на стрельбище округа. Значит он, шериф Квентин Хаггис, со всем с этим и разберется. Здесь и сейчас.

Разбирательство же прошло намного быстрее и совсем не так, как он планировал.

Снайпер допустил ошибку – только одну, но сразу ставшую роковой. Снайпер, прошедший подготовку в армии или морской пехоте, этого бы ни за что не сделал, но этот снайпер был выходцем из спецподразделения полиции. Все дело было в принципиально разных условиях действий армейского или полицейского снайпера. Армейский снайпер-разведчик действует во враждебном окружении, он должен постоянно помнить о том, что вокруг на несколько километров нет никого, кто бы не мечтал о его смерти. Он должен помнить о том, что если его схватят солдаты противника – шансов выжить почти нет, снайперов обычно не оставляют в живых. Поэтому армейский снайпер проявляет особую осмотрительность с точки зрения выбора стрелковой позиции, всегда помнит свои пути отхода и минует все подходы к своей позиции, чтобы не быть застигнутым врасплох.

В отличие от армейского полицейский снайпер действует в условиях дружественного окружения, и потому он может выбирать цель, особо не заботясь о путях отхода, не думая о том, что будет, если к нему в спину зайдет разведывательно-поисковый патруль противника. Он просто расстилает стрелковый мат, устанавливает винтовку, ложится и ждет выстрела. Сложность его выстрела в другом – если у армейского снайпера противником является любое вооруженное лицо, то полицейский снайпер должен попасть точно в преступника,

и попасть так, чтобы он мгновенно умер, не успев выстрелить в заложников, офицеров полиции или кого-либо еще. Армейскому снайперу обычно все равно, убил он или ранил того, в кого попал – все равно вывел из строя, и промах (если речь не идет о снайперской дуэли) тоже не является чем-то критическим. Полицейский же снайпер должен поразить цель смертельно и с первого выстрела.

Вот и он... он занял позицию у небольшой фермы, показавшейся ему заброшенной, у большого ветряка, в его ногах – а рядом был загон для скота, пустой. Расстелил стрелковый мат и лег, едва приняв меры для маскировки – совершенно недостаточные с точки зрения армейского снайпера. Выстрелив четырежды, он и не подумал менять позицию, полицейские снайперы почти никогда не меняют позицию – а сосредоточившись на цели, он не понял, что едва слышимые ритмичные звуки являются не чем иным, как осторожным конским шагом. И лишь окрик – Эй, парень! – заставил его обратить внимание на новую опасность...

Шериф, закинув «Спрингфилд» за спину и взяв в правую руку «Савадж», сменил направление движения – теперь он осторожно, медленно, стараясь не пошевелить стебли кукурузы, продвигался к забору, по его прикидкам он прошел не меньше восьмидесяти ярдов от того места, где вошел на поле. Передвигался он смешно – как животное с передней подбитой лапой, потому что в одной руке у него была винтовка, и с ней надо было обращаться с осторожностью. В точной винтовке большую роль играет не сама винтовка, а прицел к ней, он вручную установил на несъемный кронштейн дорогой и малораспространенный Unertl, почти незнакомый гражданским стрелкам, но хорошо знакомый снайперам морской пехоты, потому что прицел именно этой фирмы стоял на их М40. Прицел был в корпусе не из пластика и не из алюминия, а из старой доброй стали, и сделан он был солидно и прочно, без экономии веса, под требования КМП США, чтобы настройки его не сбивались от долгой тряски в машине. В оружейной стойке, которая была в «Хаммере», гнезда были обиты поролоном, но он не проверял точность боя больше месяца, а за это время всякое было. Что же, сейчас он узнает – подведет его старый добрый Unertl или нет.

Сейчас ему придется поставить жизнь на кон. Противник уже целится... не может быть, чтобы он не обшаривал перекрестьем прицела край поля, ожидая своего противника. А вот ему придется некоторое время ориентироваться и искать снайпера. Если он не найдет его за десять секунд, то он уйдет обратно в поле и попробует в другом месте. Но и снайпер, стрелявший по нему, будет предупрежден и будет знать, что его жертва не ушла, а превратилась в охотника. Такой вот танец... жизни со смертью.

Впереди, в мясистой зелени кукурузы, забрезжил просвет – дорога. Шериф вдохнул, задержал дыхание на несколько секунд – и выдохнул. Потом сделал так еще раз. Потом пошел вперед, стараясь не потревожить растущие у самого края растения.

Цевье мягко легло на нижнюю слегу ограждения – и в это время шериф заметил: там же, где он намеревался посмотреть в первую очередь, у ветряка – движение.

Там был человек.

– Эй, парень!

Снайпер медленно повернул голову, не в силах прийти в себя. В нескольких метрах от него стоял парень – белобрысый, лет тридцати, здоровяк, типичный ковбой в сапогах. И с револьвером – под рукой в открытой кобуре у него был револьвер.

По лицу снайпер понял, что здоровяк не знает, что делать, и ни в чем не уверен.

– Вы кто?

– Ложись! – прошипел снайпер. – Ложись, стреляют! Я из ФБР!

Он и в самом деле проходил снайперский семинар ФБР в Квантико, штат Виргиния, но это был не полноценный курс подготовки, конечно. Если бы это был курс подготовки, то морские пехотинцы, расквартированные там же, в Квантико, и готовящие снайперов ФБР, быстро бы научили его нехитрому правилу – прикрой свой зад.

– Я вас не знаю, – сказал парень, – а ну, вставайте, мистер. Это наша земля!

Снайпер встал на колени, будто собираясь встать – и внезапно перевернулся на спину, выбросил в сторону противника руку с неизвестно откуда взявшимся в руке маленьким револьвером *Taurus*. Но парень, казавшийся обычным деревенским вахлаком в ковбойских сапогах, носящим «для форсу» старый «Кольт Миротворец», исчез, а на его месте был стремительный вихрь, и этот вихрь выплюнул тяжелую свинцовую пулю сорок пятого калибра, ударившую снайпера точно в лоб. Снайпер упал на стрелковый мат, во все стороны брызнуло – он так и не успел осознать, что проиграл...

Шериф выругался последними словами, прикикая к прицелу, палец лег на спуск, но выстрелить он не успел – все было уже кончено...

Твою мать...

На размышления, что делать дальше, у шерифа ушло две секунды – там, конечно, мог быть и второй снайпер, но это маловероятно, если бы он был – то они прикрывали бы друг друга, и мальчишке Бриггсов пришлось бы плохо. Если Самуэль Бриггс все еще жив – значит, дело сделано, а он сам не морской пехотинец, а старый пердун, обреченный каждую субботу ставить молодому Бриггсу выпивку в баре. Но лучше так, чем с пулей в башке...

Шериф перелез через забор, крикнул «Эге-гей!», чтобы не нарваться на пулю, и, держа винтовку в вытянутой над головой руке, пошел к месту перестрелки.

Молодой Самуэль Бриггс, увидев приближающегося шерифа, спрятал револьвер.

– Что здесь происходит, шериф? – спросил он недоумевающе и озабоченно. – Этот парень только что пытался меня пристрелить. Кто он такой?

– Черт его знает.

– Вы ранены? – насторожился Бриггс.

– Переживу. Кажется, я должен тебе много выпивки, парень. Ты спас мне жизнь. Этот ублюдок, которого ты грохнул, только что пытался меня убить, вот что происходит...

– Но за что?

– Спросил бы у него, прежде чем палить. Все ковбойскими дуэлями⁶ занимаешься?

– Да, сэр.

– Хорошо стреляешь.

– Спасибо, сэр.

Парень наклонился, протянул руки к винтовке, отлетевшей ему под ноги.

– Не трогай!

Шериф осмотрелся.

– Не трогай. Это улика. Ты на машине?

– Нет, сэр, на лошади.

– А что случилось, сынок?

– Сэр, Джек не пришел к обеду, отец послал поискать. Опять куда-то убежал, гаденыш.

На самом деле Дджека Бриггса уже два часа как не было в живых. Девятилетнему тexasкому пареньку не повезло наткнуться на боевиков Зетас из обеспечивающей группы и спросить, что они тут делают. Тело выбросили в кукурузное поле, шериф, сам того не зная, прошел в паре десятков ярдов от него. Джек Бриггс и стал одной из первых жертв второй гражданской и третьей мировой войны. Невинной – но много ли на войне виновных жертв?

– У меня есть предложение, парень. Мне одному этого ублюдка не утащить до машины, а машина у меня, сам видишь, в каком состоянии. Поможешь? А потом вместе поищем твоего братишку.

⁶ Ковбойские дуэли – популярный вид развлечений в Техасе, серия стрелковых упражнений из револьвера одинарного действия, винчестера и дуствольной горизонталки с короткими стволами и внешними курками. Интересно, что в качестве официального ружья соревнований чаще всего используют Иж-43К, специально выпущенное для таких соревнований ружье, продаваемое в США под брендом Spartan.

Том Бриггс, отец Джека и Самуэля, состоял в posse comitatus – группе вооруженных граждан, которую шериф созывает при необходимости масштабных поисков или чего-то в этом роде. Здесь была глубинка, и поэтому местные белые фермеры, да и не только белые, считали за честь помочь сотруднику правоохранительных органов в отличие от больших городов, где только и думали, как подать на него в суд и потребовать компенсацию из бюджета. Тем более за честь было помочь самому шерифу, человеку честному и надежному.

– Да, сэр, конечно, помогу, – с готовностью отозвался Самуэль, – как мы его понесем?

Шериф достал носовой платок, поднял с земли снайперскую винтовку, машинально отметив, что она не китайская и не румынская, очень хорошее воронение и материал приклада – и бросил винтовку поверх убитого.

– Смотри. Беремся за стрелковый мат, за углы и несем его к дороге. Потом так же положим в машину. Берись с той стороны.

Снайпер оказался неожиданно тяжелым, а семьсот ярдов по полю с неудобным грузом – углы мата так и норовят вырваться из рук – изрядно измотали и шерифа и молодого Бриггса. Тем не менее они выползли-таки со своим грузом на дорогу.

– Опускай по команде. Раз-два-три...

Стрелковый мат со страшным грузом на нем лег в дорожную пыль.

– Черт... оба колеса прострелили. Жди здесь, я пойду посмотрю, что с той машиной.

По прикидкам шерифа, грузовичок просто пригнали сюда и бросили как приманку, рассчитав, что он остановится как раз на линии огня снайпера и станет целью. Вряд ли они стали тратить время на то, чтобы вывести грузовичок из строя, а может быть, это была машина, на которой снайпер собирался смотаться отсюда, когда все закончится. К тому же грузовичок восьмидесятых годов легко завести, если знаешь, какие провода под рулевой колонкой соединить напрямую, здесь нет встраиваемой заводской спутниковой противоугонки. Шериф сунулся под рулевую колонку, снял кожух, выбрал провода, обрезал их ножом, закоротил напрямую – и грузовичок зачихал своим старым, изношенным мотором, приходя в себя.

Вот так-то будет лучше. Как раз поместятся они двое, а этого положат в кузов. Потом отвезут тело в город – вернуться за «Хаммером», заодно надо будет завернуть к Джеку, механику, и взять у него еще один скат.

Довольный собой, шериф вылез из трофейного «Форда», оставив мотор греться на холостых. Топлива – если верить указателю – было полбака, до города по-любому хватит.

– Сэр!

Мальчишка Бриггсов стоял у «Хаммера» со встревоженным лицом.

– Сэр, ваша рация! Тут, кажется, что-то неладное!

Агент ФБР Джек О’Малли вместе со своим напарником сидели в Далласе, столице штата Техас, в здании ФБР – красивом угловом офисе интересной современной архитектуры песочного цвета, недалеко от стадиона Техас, адрес One Justice Way Dallas TX 75220. Здание это располагалось на углу улицы, на самом углу был флагшток, он был не на здании, у здания был срезанный угол, и флагшток был от самой земли высотой примерно до третьего этажа. На флагштоке был флаг, но не американский, а штата Техас. One Justice Way – в переводе с английского означает нечто вроде «пути правосудия» – вот только правосудием здесь и не пахло.

После ожесточенных споров о подведомственности несколько служб так ни к чему и не пришли. Грега Нулана заграбастали и потом так и не выпустили из рук морские пехотинцы, заявив, что он действующий морской пехотинец США, совершил то, что он совершил во время прохождения военной службы. И поэтому содержаться он будет не в гражданской тюрьме, а пока на гауптвахте казарм форта Худ (для удобства, если гражданские власти сочтут нужным повидаться с ним), а следствие по его действиям будет вести следователь военной полиции. Само по себе дело – о перестрелке и убийствах – после долгих разборок и препирательств

выцганила-таки себе DEA, потому что решили, что все это дело в целом имеет отношение к организованной контрабанде наркотиков через границу, а такие дела забирала DEA. Но и ФБР не осталось без работы, сегодня утром Джека Малли вызвал к себе далласский резидент ФБР и поставил перед ним задачу. Он должен был найти основания для привлечения к уголовной ответственности... шерифа Квентина Хаггиса!

У человека, не слишком знакомого с реалиями современной Америки и современного американского правосудия, такая постановка вопроса вызывала оторопь и шок, для знакомого же – ничего удивительного в этом не было. У ФБР есть некоторое количество специальных долгосрочных программ, которые открываются для решения конкретных проблем, называются они COINTELPRO – COunter INTELligence PROgramm, контрразведывательная программа – и кодовое слово, шифр программы. Так вот, одной из наиболее активно реализуемых программ последнего десятилетия была борьба с... белыми нацистами! Программа эта называлась КОИНТЕЛПРО – Белая ненависть и по своему статусу уступала только программам борьбы с международным терроризмом.

Это было невероятно – но это было так. В тюрьмах США каждый год сто тридцать пять тысяч темнокожих заключенных принимали ислам⁷, в стране пришлось вводить новый термин «мегабанда» для банд численностью от десяти тысяч боевиков, а численность самых крупных из них переваливала и за сто тысяч, в Лос-Анджелесе на улицах вспыхивали уличные бои, для полиции приходилось теперь закупать бронированные машины, в мексиканские гетто во многих городах можно было войти только при поддержке армейских частей, через границу потоком текли наркотики, в соседней стране орудовали наркотеррористические организации, подчинившие себе половину полиции и армии и готовые взять власть, по приграничью били из минометов, цена на топливо зашкаливала, государственный бюджет уже не катился, а летел в пропасть, Америка теперь вела пять войн⁸, и в стране почти не осталось боеспособных воинских частей, а ФБР и Министерство юстиции упорно боролись с белыми вооруженными мужиками из ку-клукс-клана, общества Джона Бэрча, НРА, ассоциаций ветеранов, которые единственные могли обеспечивать хоть какой-то порядок в мире, скатывающемся в пропасть безумия. Почему-то не негры-исламисты, не латинос-наркобоевики – а именно белые вооруженные мужики, жесткие, правильные, нетолерантные, готовые вершить правосудие своей рукой, как это делали их деды и прадеды, казались для власти самой страшной угрозой внутри страны, с которой непременно надо было разобраться. В Аризоне, где вышибли всех мигрантов, федеральные власти не успокоились, пока не вычистили руководство штата от нетолерантных людей и не посадили толерантных, при которых в штат вновь хлынула мутная, воняющая кровью и кокаином волна эмиграции. Власти в Вашингтоне все больше и больше внимания уделяли южным штатам, потому что здесь рождаемость была намного выше, чем на севере⁹, исход последних выборов решался именно на юге, и именно юг стал вотчиной Республиканской партии, которая была у власти. А юг – это мексиканцы, и вот почему было принято решение любой ценой, под любым предлогом посадить в тюрьму шерифа Квентина Хаггиса, принеся его в жертву на алтарь политкорректности и толерантности.

Вот только это уже невозможно было сделать. Настал предел.

После разговора с резидентом агент О'Малли вернулся к себе в закуток в общем зале, где стоял стул, стол, компьютер, небольшой сейф, три телефона. Ему было настолько дурно и омерзительно, что хотелось выпить. Но в ФБР держать спиртное даже в столах, не говоря о том, чтобы выпить прямо в здании, было категорически запрещено.

⁷ Это реальные цифры и факты. К чему это может привести – подумайте сами.

⁸ Ирак, где оставались военные советники и наемники, Афганистан, Сомали, Йемен и Украина.

⁹ Еще бы... Латиноамериканцы католики, церковь запрещает средства контрацепции. Да и на каждого ребенка платят пособие, многодетным матерям тоже платят пособие. Высокая рождаемость в США именно так и делается.

Через несколько минут вернулся его обычный напарник, агент Николас Нотис, крепкий веселый коротышка, наблюдательный и с удивительной памятью, хлопнул напарника по плечу.

– Получил?

– Помнишь шерифа Хаггиса? По делу о сгоревшем в бочке парне.

– Помню. Ты сам говорил, что что-то там не так.

– Не так... Мы должны посадить его в тюрьму.

– Чего?!

– Что слышал...

Нотис перетащил стул из своего закутка – у него был рядом, как и полагается у напарника – в закуток О'Малли.

– С каждым днем все чудесатее и чудесатее.

– Это ты откуда взял?

– Льюис Кэрролл. Алиса в стране чудес. Чем дальше, тем больше я ощущаю себя сумасшедшим шляпником из этой сказки. Эта страна...

О'Малли толкнул его в бок, обвел глазами помещение. *Слушали...*

– Поехали. На месте разберемся... надо понять, что произошло во Фредериксбурге, поговорить с людьми.

– Поехали...

Агенты О'Малли и Нотис ездили на служебной машине. Если в девяностые агенты в Техасе раскатывали даже на «Субурбанах», то теперь в их распоряжении был новенький «Форд Торус» с укрепленной конструкцией, бронированными вставками в дверях и стеклами, обклеенными специальной пленкой для усиления. Творящееся в последнее время в Техасе заставило руководство ФБР задуматься об усилении вооружения своих сотрудников, теперь в каждой машине должно было быть одно помповое ружье, как у дорожных полицейских, и один полуавтоматический карабин калибра 5,56. Конкурс на карабины выиграла РРА, создав на базе М4 модель «для ФБР» – а вот вместо помпового «Ремингтона» в багажнике этого «Торуса» лежала русская «Сайга» с барабанными магазинами на двадцать патронов – это оружие очень любили «нетолерантные белые», потому что продавалось оно как охотничье, а в ближнем бою с барабанным магазином было опаснее автоматической винтовки. У каждого из агентов имелся пистолет «Глок» и бронежилет. Взяв машину в гараже, агенты выехали во Фредериксбург, за рулем был Нотис, потому что он видел, что напарнику лучше сейчас ехать пассажиром.

– За каким хреном мы этим занимаемся? – спросил О'Малли, когда они выехали.

– Ты об этом деле? – в машине можно было разговаривать вполголоса, радио они не включали и музыку по дороге не слушали.

– О нем самом. Вот скажи – мы чем занимаемся?

– В данном случае – едем проверять законность действий местных правоохранительных органов в этом деле.

– А зачем? Вот скажи – кому нужна эта законность?

Нотис пожал плечами:

– Кому-то нужна. Наверное, руководству Бюро – если у нас отняли одно дело, мы тут же найдем себе другое...

Дорога от Далласа до Фредериксбурга была довольно дальней, но хорошей – тридцать пятое шоссе, по которому можно жать на ста двадцати – ста сорока милях в час, включив мигалку. Через Вако, место позора ФБР, и Раунд Рок они долетели до Остина, потом решили свернуть и через Джонстон Сити по второстепенной дороге добраться до Фредериксбурга. Можно было ехать до Сан-Антонио, там по окружной выйти на десятое шоссе, оно проходит

почти рядом с Фредериксбургом – но они решили ехать именно так. Как потом оказалось, правильно решили...

Там были пикетчики, и вообще в городе было много машин, пикетчики приехали в основном на своих, не протолкнуться. Но было там и еще кое-что. Как только они вывернули на улицу, на которой был полицейский участок, они увидели стоящие прямо рядом с полицейским участком два черных «Субурбана», а около них – человека, вооруженного автоматическим оружием. Самое поразительное – на этом человеке был бронежилет, на котором яркими буквами было написано FBI.

ФБР...

– Что это?

Демонстранты стояли далеко от участка, перекрывая улицу.

– Это что, наши?

Человек с автоматом, увидев машину, едущую к полицейскому участку со съемной мигалкой на крыше, встал на колени, вскинул оружие...

– Назад!!! Тормози, назад!

Было уже поздно – Нотис, сидевший за рулем, успел лишь затормозить, как по машине градом хлестнула автоматная очередь.

От Эль-Пасо бандиты направились в глубь страны по двадцатой дороге, с нее соскочили на десятую за Ван Хорном. Дорога шла по холмистой местности с довольно скудной растительностью – плато Эдвардса. Жилья здесь тоже почти не было – заправки, придорожные кафешки, старинные дорожные знаки. Были и полицейские посты, но три черных «Субурбана» они пропускали, потому что на таких ездили DEA и много кто еще. Для того чтобы полицейские не задавали вопросов и не вынуждали их убивать – въехав на территорию США, они съехали с дороги и сменили мексиканские номера на тexasские, той же самой серии, какую используют машины федеральных служб.

Никто из этих бандитов не знал Бентеса – Бентес был расходным материалом, спусковым крючком, если пользоваться терминологией итальянской мафии, pistolero, причем не самым лучшим, если пользоваться терминологией мафии мексиканской. Он ничего не сделал хорошего группировке, более того – устроил дурацкую перестрелку, как потом выяснилось, без достаточного на то повода, притащил за собой хвост – горячего парня из Техаса с автоматом, который грохнул больше двадцати братьев и до которого пока было не добраться, потому что он сидел на губе, на военной базе. Оставался Бентес, который сидел в маленьком городке, он был пешкой, которая вполне могла дойти до последнего поля шахматной доски и стать ферзем, для этого нужно было просто правильно разыграть комбинацию. Его можно было сделать мучеником – нанять адвоката, пусть его приговорят к смертной казни на электрическом стуле, потом он будет несколько лет ждать приведения приговора в исполнение, и все это время он будет мучеником в глазах мексиканского народа, а его казнь еще больше подхлестнет волну ненависти к американцам. Но можно было освободить его... это не штурмовать федеральную тюрьму, это всего лишь маленький полицейский участок, не более того. Пришли – и ушли. Это будет пощечина для американских правоохранительных органов и для всей Америки в целом, они вынуждены будут действовать по воле мексиканского федерального правительства или вопреки ей. Если по воле – то правительство, и так еле держащееся, окончательно станет объектом всеобщей народной ненависти, и начнется государственный переворот. Если же вопреки воле, то Мексика – это не Ирак и не Афганистан. Это перенаселенная страна, в которой под сорок штатов, несколько миллионов человек с оружием и опытом вооруженного насилия. Это страна, в которой *братья* по ту сторону границы уже составляют пятую часть населения страны – будут ли они сидеть спокойно? Это страна, бывшие граждане которой составляют больше четвертой части, а в боевых частях – больше третьей части от всех военнослужащих, потому

что для многих мексиканцев армия – это шанс подняться и получить бесплатное образование. Наконец эта страна станет шестым по числу конфликтом, в которых США так или иначе принимают участие, а по размаху это будет самый страшный конфликт из возможных.

Аналитики мафии, которая к тому времени уже превратилась в параллельную власть в Мексике, сделали вывод, что Бентеса целесообразнее освободить. Тем более что сделать это было технически возможно, а как гласит административная мудрость – все, что технически может быть реализовано, должно быть реализовано.

При въезде в город машины разделились – одна из них пошла кружным путем, чтобы обеспечивать мобильный резерв и отход, вторая и третья подъехали к полицейскому участку. Пикетчики, никем не предупрежденные, попытались задержать машины – но несколько слов, сказанные безошибочно найденному организатору всего этого пикетирования, быстро успокоили пикетчиков. После этого – трое остались в машинах, один – вне машины, еще пятеро пошли в здание...

Возглавлял группу бывший офицер мексиканской федеральной полиции Александр Салинас, он проходил практику в ФБР, какое-то время «боролся» с наркомафией, потом примкнул к Зетас. Он был представительного вида со всеми повадками копа, отлично, почти без акцента говорил по-английски – да и мало ли в ФБР агентов-мексиканцев? Полно, в ФБР даже есть специальный отдел, занимающийся соблюдением прав агентов и балансированием гендерно-расового состава подразделений. Он единственный был в костюме, с папкой и доской с зажимом, на которой были прикреплены документы, именно такие, какие должны были быть. Это было предписание федерального судьи, занимающегося делами, связанными с организованной наркопреступностью Джека У. Стоувера о том, что некий Альфредо Бентес, гражданин Мексики, должен быть доставлен к нему в течение двадцати четырех часов. Бумага была «липкой» – но могло и прокатить, примерно тридцать процентов вероятности. Была договоренность, что если местные помощники шерифа начнут звонить в офис федерального судьи Стоувера и выяснять, выдавалось ли подобное предписание – они умрут. Если не станут – останутся живы.

Итак, четверо, один «агент ФБР» с документами и четверо агентов с оружием, в бронежилетах и масках вошли в здание управления шерифа округа Фредериксбург, когда на часах был ровно час дня. В здании было четыре человека, в том числе секретарь шерифа, девчонка после школы. Шериф пожалел ее – в семнадцать лет уже двое детей, отец детей сидит в Фолсоме за торговлю наркотиками и выйдет оттуда нескоро. Уж лучше пусть здесь работает, чем на панель, а иного-то и нет.

Вот эта девушка, по сути, наполовину ребенок, и встретила вошедших в управление боевиков.

– Здравствуйте. Чем могу помочь? – спросила она, улыбаясь, потому что именно так было принято встречать посетителей в управлении шерифа Фредериксбург-каунти.

– Нам нужен шериф, – шедший впереди тип, в костюме, неприятный, от которого резко пахло одеколоном, «засветил» удостоверение.

– Простите, но шериф выехал.

Салинас знал о том, что шерифа не будет, на то и был рассчитан план. Если начинаешь общаться с человеком – спроси его о том, кого нет, или попроси об услуге, которую он не сможет тебе оказать. Потом от него будет проще получить все, что тебе нужно. Салинас знал и то, что шериф к этому времени, скорее всего, уже мертв.

– Вы можете подождать шерифа здесь, сеньоры...

– А когда он будет?

– Простите, сеньор, но шериф не сказал, когда вернется. Он на вызове.

– В таком случае, *сеньорита*, – слово *сеньорита* Салинас выделил тоном, показывая тем самым, что перед ним всего лишь молодая мексиканка, существо второго сорта по сравнению с

ним, агентом ФБР, – мы не можем ждать. У нас слишком много дел, чтобы ждать, пока вернется шериф. Вызовите его сюда и немедленно.

В одном из «Субурбанов», припаркованных у здания управления шерифа, стоял специальный прибор, его изобрели для Ирака и Афганистана – но потом стали применять и в других местах, где гремели взрывы и вообще было неспокойно. Прибор глушил всю связь в радиусе трехсот ярдов от себя и не давал привести в действие рацию или сотовый телефон, по которому могла быть отдана команда на исполнительный механизм взрывного устройства.

– Я могу вам помочь, джентльмены? – пожилой мексиканец в форме вышел откуда-то из глубины здания, встал рядом с мексиканкой, которую звали Марианна.

– А вы...

– Депьюти Монтеро.

– Нам срочно нужен шериф. Немедленно, мы ждать не собираемся.

Депьюти кивнул головой. В происходящем не было ничего удивительного – представители федеральных правоохранительных органов всегда отличались заносчивостью и хамством, много чего мнили о себе, местные же правоохранительные органы они вообще не считали за коллег, ни полицию, ни шерифов. И это все при том, что с людьми-то как раз работала местная полиция, и большую часть преступлений раскрывала тоже она.

– Сейчас я его вызову.

Депьюти ушел туда, где были зарядные устройства и рации.

– Может быть, кофе? – пролепетала Марианна.

Салинас наградил ее уничижающим взглядом и начал нервно постукивать папкой с документами по краю барьера, отделяющего зону для посетителей от зоны для работников управления шерифа. Всем своим видом он показывал, что раздражен до предела нерасторопностью сотрудников шерифа, но пока сдерживает себя.

Для закрепления эффекта он посмотрел на часы, и Марианна, заметив это, вздрогнула.

Это были золотые часы... Таких часов у агента ФБР быть не могло, если бы они и появились – так только в качестве подарка при уходе из Бюро. Ни один сотрудник ФБР не станет носить золотые часы, даже если у него есть на это деньги, чтобы не привлечь внимания сотрудников специального отдела Минюста, занимающегося коррупцией в правоохранительных органах. Золотые часы – это вызов.

А у этого они были.

Марианна подняла на него испуганные глаза – и поняла, что он тоже все понял.

– Сеньор Анджело! – позвала она депьюти.

Салинас потянул руку из кармана, в ней был Глок-26 с коротким глушителем Pilot.

– Сэр, шериф...

Пистолет негромко хлопнул дважды, раз за разом, и депьюти молча упал, цепляясь за стол и сшибая все, что было на нем.

– Adelante!¹⁰ – сказал Салинас, двое боевиков открыли калитку в ограждении, держа наготове оружие, бросились туда, где были кабинеты и лестница. Лестница, ведущая вниз.

Дуло пистолета смотрело в живот Марианны.

– Не надо, сеньор. Por favor!¹¹ ... – дрожащим голосом сказала она.

– Как поняла? – спросил Салинас.

– Часы. Ваши часы, сеньор.

Салинас скосил взгляд на свое запястье.

– Caramba... Подарок.

И выстрелил.

¹⁰ Вперед! (исп.)

¹¹ Пожалуйста... (исп.)

– Ах ты ублюдок!

Стекло, усиленное специальной пленкой, не вывалилось от града пуль, но через него не было видно совершенно ничего. Только белые разводы трещин и все большее количество дыр на нем.

Агенты ФБР имели солидный опыт всяких переделок, поэтому ни один из них в первые, критические секунды перестрелки не получил ранений. Первое ранение получил Нотис – они открыли дверцы машины почти синхронно, те были бронированные, метнулись назад, за багажник, в багажнике было более мощное оружие – но Нотис, не успев пробежать и шага, вскрикнул и упал на тротуар. Он выскакивал со стороны водителя, а машина была развернута носом вправо, и получалось, что О’Малли защищала не только дверца, но и корпус машины, а Нотиса корпус машины не защищал. Агент О’Малли, преследуемый дробным градом пуль по двери, визгом рикошетов, добежал до багажника, махнул рукой под бампером¹² – и крышка багажника, тоже бронированная, поползла вверх на пневмоупорах.

Нотиса не было.

С пистолетом наизготовку О’Малли высунулся из-за багажника – и увидел то, что он предпочел бы не видеть. Нотис полз к багажнику, оставляя за собой кровавую полосу на асфальте от раздробленной пулей лодыжки – и как раз в этот момент автоматчик, сменив магазин, хладнокровно добил агента, выстрелив несколько раз с колена и пригнувшись, как «с низкого порта»¹³ – бронезилет в таком ракурсе не защищает никак. Нотис, в которого попало несколько пуль, дернулся и застыл на асфальте...

Ублюдок...

О’Малли высунулся и успел выпустить две пули в стрелка до того, как град автоматных пуль заставил его убраться за багажник. А через секунду визгнули рикошеты – и острая боль обожгла ногу. Неизвестный автоматчик владел одним из приемов стрельбы SWAT – он бил под днище машины, рассчитывая зацепить спрятавшегося за ней стрелка на рикошетах. И зацепил – почти сразу...

Да кто же это такие...

О’Малли успел выхватить из багажника и дробовик, и винтовку, отпрыгнуть на тротуар, прежде чем новые рикошеты выбили искры из металла. При каждом шаге, тем более прыжке, его окатывала волна боли, как будто кто-то прикладывал к ноге раскаленное клеймо для скота. Но заниматься ногой было некогда.

Взяв ружье в руки и закинув карабин на спину, агент О’Малли, пригнувшись, побежал вдоль ряда машин, стараясь сократить дистанцию. Ему удалось пробежать три машины, прежде чем противник понял, что происходит, и скорректировал огонь. От припаркованных машин полетели осколки стекла, град пуль забарабанил по кузову.

На коленях – так страшно не было никогда – он прополз вперед. Автомат внезапно заглох – и он распрямылся с ружьем в руках.

Автоматчик лихорадочно менял магазин, его движения казались замедленными, как в фильме, еще один бандит с автоматом был в дверях управления шерифа Фредериксбурга...

Автоматическое ружье задергалось, забилося в руках, отправляя в бандитов один снап картечи за другим. После третьего выстрела бандит, прикрывавший машину, упал, его отбросило прямо на бронированный бок «Субурбана».

И в этот самый момент две автоматные очереди, перебивая друг друга, хлестанули вдоль улицы. Опасность появилась оттуда, откуда ее не ждали – третья машина, машина прикрытие

¹² Одна из новых систем – если ты идешь с двумя сумками, можно провести ногой под задним бампером – и багажник автоматически откроется. На момент написания книги эта опция была только на автомобилях «Фольксваген».

¹³ Термин Международной конфедерации практической стрельбы – чтобы стрелять «из низкого порта», нужно не только встать на колено, но и пригнуться. Пистолет должен быть в 30–40 сантиметрах над землей.

поспешила к основной группе, когда сидевшие в ней боевики услышали звуки перестрелки у управления шерифа. Она выскочила на перпендикулярную улицу, остановилась точно напротив расстрелянного «Форда Торус» – и два автоматчика, увидев неизвестного стрелка, мгновенно открыли по нему огонь со спины. Агент О’Малли не успел повернуться, не успел встретить лицом к лицу новую опасность – как несколько пуль попали ему в спину и в голову – и он рухнул на тротуар замертво, выпустив из рук оружие. Под телом начала быстро растекаться темно-бордовая лужа...

Безжалостно погоняя древний, раздолбанный пикап, шериф Хаггис и младший Бриггс не въехали, а ворвались в город. Они ехали с севера, шериф погонял чужую машину, чтобы как можно быстрее добраться до своего офиса и понять, что происходит. На их беду – они угадали маршрут отхода банды – он проходил как раз на север, не на юг, в родную Мексику, а на север.

Улицы в Техасе издревле строились длинными и прямыми, а потому и «Субурбаны» шериф увидел еще издали. И сразу понял, кто это такие и чем это все пахнет.

Кровью пахнет, вот чем!

Он развернул машину так, что она загородила «Субурбанам», находившимся от них метрах в четырехстах и быстро приближающихся – две из четырех полос движения.

– Джек, выходи из машины и беги отсюда. Звони в ФБР, куда угодно.

– Нет, сэр!

Шериф схватил винтовку из держателя, мощную М1А.

– Беги отсюда и не оглядывайся, я сказал!

Машины приближались в дрожащем мареве, исходящем от раскаленной под солнцем дороги.

– Нет, сэр! Не уйду!

Младший Бриггс достал из держателя Бушмастер, открыл дверь и выскочил из машины.

– Беги, тебе говорю! – заорал шериф.

В головном «Субурбане» в крыше откинулся люк, откинулся вперед, предоставляя стрелку защиту от огня – и пулеметчик плюхнул на кромку люка сошки пулемета М60.

Шериф открыл огонь, целясь по водителескому месту, винтовка билась в руках, хвосты бледно-желтого пламени вырывались из пламегасителя, на стекле одна за другой появлялись белые точки с расходящимися от них паутинами разводов – но шериф видел, что пули не пробивают стекло. Забухтел пулемет, пули забарабанили по машине, и мальчишка Бриггсов кувыркнулся куда-то влево, поступая очень грамотно, кстати – теперь пулеметчик будет вынужден вести огонь либо по нему, либо по пикапу и стреляющему из-за пикапа шерифу. Пули Бушмастера бились по обшивке радиатора, разбивали фары, с искрами рикошетили от брони.

Выругавшись, шериф бросил свою негодную винтовку, перегнулся через борт и схватил лежащую рядом с мертвецом СВД. В этот момент первая пуля попала в него, чиркнула по спине, проделав длинную, кровоточащую борозду до самых ягодиц, остальные пули ушли выше – видимо, машину со стрелком тряхнуло, да и удерживать в таком положении пулемет было почти невозможно, можно было только поливать все впереди себя огнем. В глазах потемнело – но шериф заставил себя выпрямиться, прижал винтовку к плечу и выстрелил в лобовое стекло мчащейся на него машины с расстояния уже меньше ста метров. То ли ранее выпущенные пули ослабили лобовое стекло, то ли русская пуля армейского образца со стальным сердечником сыграла свою роль – но лобовое стекло машины вдруг стало проваливаться внутрь целым пластом, огромный джип пошел юзом, прямо на пикап. Шериф не стал убегать, он посчитал ниже своего достоинства убегать от бандитов. Оттолкнувшись от пикапа и выпрямившись в полный рост, он выстрелил по машине еще раз, прежде чем пулеметная очередь

достала его. А потом и сам головной «Субурбан», уже неуправляемый, врезался в пикап и потащил его за собой, теряя скорость...

Тот же день Эль-Пасо, штат Техас ФАСТ

Генерал Джеймс Маттис, командующий морской пехотой США, предчувствуя неладное, несмотря на жесткий цейтнот времени – шел просчет вариантов операции в Иране, мобильные силы выдвигались на свои позиции – все-таки нашел время ознакомиться с ситуацией в Техасе и направил туда, конкретно – в Даллас, в здание морской пехоты, и на базу в Сан-Антонио один из последних своих неприкосновенных резервов – специальный отряд ФАСТ, флотской антитеррористической группы безопасности. При прочих обстоятельствах расквартированных в Техасе сил спецназа морской пехоты – а помимо ФАСТ, в Техасе на постоянной основе, в Амарильо, Техас, была расквартирована группа В антитеррористического батальона четвертой дивизии морской пехоты и четвертый батальон разведки морской пехоты в Сан-Антонио – должно было хватить для локализации и уничтожения прорвавшихся на территорию страны боевиков наркомафии. Но на сей раз это была не вылазка.

Начиналась война.

Флотская антитеррористическая группа безопасности была создана в восемьдесят седьмом году и насчитывала примерно пятьсот оперативников, причем все они были с боевым опытом, приобретенным в основном в Ираке и Афганистане. Основная задача ФАСТ – быстрое усиление режима безопасности объектов морской пехоты и ВМФ США, а также дипломатических представительств по всему миру, если в том возникает необходимость. Специалисты ФАСТ охраняли посольства в Багдаде, Санае и Кабуле, с четырнадцатого года – и в Москве, обеспечивали безопасность в порту Аден, когда там подорвали эсминец ВМФ США Коул, обеспечивали безопасность некоторых других американских и международных представительств в Либерии, Нигерии, Багдаде и прочих опасных для жизни местах. Это были крепкие и опытные люди, прошедшие сначала стандартный курс подготовки разведчика морской пехоты, а потом и курс специалистов по ближнему бою в Квантико, Виргиния, который им преподавали специалисты из FBI HRT, Группы по освобождению заложников ФБР.

Прибыв на место – а это были две команды по двенадцать человек, одна для Далласа, одна для Сан-Антонио, – специалисты по безопасности разобрались в ситуации и стали предлагать меры по усилению режима безопасности баз. Баз-то, по сути, не было, равно как и периметра безопасности – обычные здания. Оба здания пикетировали демонстранты, это само по себе служило определенной дополнительной гарантией от силового захвата, но не исключался вариант «мирного» прорыва в здание, при котором первыми прорываются невооруженные демонстранты, в отношении которых нельзя применять смертельное оружие, а затем уже через прорванный периметр проходят боевики с оружием. Для того чтобы это предотвратить, раздобыли и начали выдавать дежурящим на постах морпехам автоматические несмертельные FN-303, состоящие на вооружении полиции, они были заряжены смесью шаров из резины калибра 0,68 и шаров, содержащих раздражающее вещество на основе перцового экстракта капсаицина. С морскими пехотинцами, стоящими на внешних постах, провели инструктаж и небольшую тренировку, чтобы при необходимости это оружие было применено мгновенно. На крышах оборудовали позиции, поставив туда по снайперу и по пулеметчику. Начали делать внутренний периметр, используя готовые составные части баррикад, оборонять который предписывалось, уже ведя огонь на поражение.

Не один и не два раза специалисты ФАСТ, укрепляя оборону зданий морской пехоты, задавались вопросом, что же такое произошло в стране, что теперь для обеспечения безопасности зданий морской пехоты в Техасе требуются почти те же самые меры, что и для обороны

какой-нибудь передовой базы в иракской пустыне? Почему в них летят камни и яйца, презервативы с мочой, почему они готовятся к штурму зданий в собственной стране, где и зачем они воевали, что в собственной стране начало происходить такое?

Помимо прочего, специалисты ФАСТ установили оборудование и посадили человека прослушивать частоты. При обеспечении безопасности объекта нужно всегда прослушивать, что происходит снаружи его, так можно понять, кто находится вне периметра и что замышляет, не исключено, что удастся перехватить переговоры готовящейся к удару штурмовой группы и подготовиться к отражению, а то и нанести ответный удар. Так морские пехотинцы узнали о том, что происходит во Фредериксбурге.

Первыми услышали то, что происходит в Далласе – там группу ФАСТ возглавлял опытный специалист, капитан морской пехоты Томас Уиндроу. Он отпахал в Ираке целых четыре срока и за это время кое-что понял. Его знание заключалось в том, что если ты приходишь в какую-то страну – то тебя должно касаться все, что там происходит, все без исключения. Трагическая ошибка американцев заключалась в том, что после того как рухнул режим Саддама, они не смогли предложить ничего взамен, надо было или уходить, быстро и сразу, или оставаться, но сразу наводить жесткий порядок, используя те силы, которые способны его навести, и не оставляя ничего на волю случая. Вместо этого они потратили время на какие-то идиотские демократические процедуры, на поиски мифического оружия массового поражения, на любование самими собой – и в это время, когда каждый час был дорог, упустили улицу. Несколько месяцев беспредела – а Саддам одним из последних своих распоряжений выпустил на улицу всех уголовников – заставили народ думать, что при американцах не хуже, а лучше. Тут же появились проповедники из соседних стран и быстро объяснили, что надо делать и какому богу молиться, чтобы наступил порядок. В мечетях стали раздавать деньги за фугасы, за убийства американских военнослужащих – и начался хаос. Если бы они в те месяцы вышли на улицы, перебили бы уголовников, обеспечили безопасность страны даже ценой своей крови – потом этой крови было бы намного меньше.

И с тех пор везде, где он действовал, он никогда не замыкался только на пределах защищаемого объекта и стремился узнать, что происходит над периметром, и активно воздействовать на события в нужную сторону. Он даже большое письмо об этом написал в Leatherneck, в колонку, где делятся боевым опытом.

Капитан только лег отдохнуть – ночная смена далась тяжело, некоторое количество пикетчиков не уходили, ночью могло произойти всякое, – как прибежал капрал Фрэнкс, один из молодых морских пехотинцев, сильно подавленный тем, что происходило за периметром.

– Сэр, вас немедленно вызывает капрал Тиди! Что-то очень срочное!

Капитан с силой зажмурился, потом открыл глаза – чтобы дать им хоть немного отдыха. Старый прием и помогает...

– Пойдемте, капрал...

Капрал Тиди, самый младший по званию в специальной группе, имеющий за плечами два года афганского опыта, сидел у терминала связи, что-то быстро писал в блокнот.

– Что происходит, капрал?

Одним из приказов капитана Уиндроу было: ни один из подчиненных никогда не получит взыскания, если вызовет командира и обратит его внимание на что-то, что покажется ему странным, опасным или подозрительным. Командир может быть занят другим делом, есть, спать, в конце концов – и младшие по званию могут так бояться потревожить его, что ничего не скажут до тех пор, пока появившийся вдруг у ограды посольства танк не вынесет ворота. Это пример, конечно, но пример показательный – командир должен как можно оперативнее узнавать о том, что происходит рядом с охраняемым объектом, пока не стало поздно.

– Сэр, переговоры по рации. Во Фредериксбурге, кажется, идет серьезный бой.

Капитан сначала не понял.

– Что значит серьезный бой, капрал?

– Судя по записи, сэр, крупная банда вошла в город и ведет бой.

Капитан принял наушники, он все еще не мог поверить. В конце концов – это не Ирак с его бандами, большими и малыми, с армией Махди – это, черт возьми, США. Соединенные Штаты Америки...

– Я девятка, в центре города клубы дыма! Очень плотного дыма! Вижу несколько тел на асфальте, что-то горит!

– Девятка, повторите.

– Понял, повторяю, в центре Фредериксбурга пожар и следы перестрелки! Очень крупной перестрелки, я вижу несколько тел, горящие автомобили.

– Девятка, вы наблюдаете сейчас перестрелку?

Капитан сорвал наушники. Верилось с трудом.

– Что еще?

– Дорожная полиция пыталась их перехватить – я сужу по радиопереговорам, сэр. Они открыли огонь, полицейские погибли. Сейчас ФБР объявило общий сбор, полицейские спецкоманды пытаются что-то сделать.

– Они ни хрена не сделают. Связывайся с командованием.

– Сэр, невозможно. Там какие-то проблемы.

Непостижимо уму.

– Связывайся с Форт Уортом. Мне нужен полковник Баттаглия.

Полковник Джеймс Баттаглия командовал тренировочным центром морской пехоты в Форт Уорте, на базе морского резерва, капитан знал, что там тренируются в том числе снайперы и досмотровые группы. Сейчас это будет нелишним.

– Полковник Баттаглия на связи, сэр.

Капитан взял наушники.

– Сэр, это капитан Уиндрои, Даллас.

– Слушаю вас, капитан!

Полковника было плохо слышно – судя по звукам, он находился на летном поле и был вынужден кричать.

– Сэр, вы знаете, что происходит?! Во Фредериксбурге бой, какая-то банда прорвалась!

– Я знаю, капитан! Ее уже потеряли, объявлен общий сбор! Таможенники дадут беспилотники, мы не знаем, где они! Очень много людей погибло!

– Сэр, я бы хотел принять участие в забеге! Мы готовились к таким ситуациям! И можем быть полезны!

На какой-то момент в трубке был слышен только свист вертолетных лопастей.

– Ты доберешься до нас за пять минут! Я уже поднимаю кавалерию!

– Нет, сэр! Но вы можете послать вертолет и забрать нас! Нам нужен всего один вертолет, мы поднимемся по веревкам!

– Добро! Дайте пятнадцать минут, вертолет за вами будет!

– Семпер фи, сэр! Спасибо. Капрал – общий сбор всему свободному составу, с боевым оружием! Десять минут!

Южнее Браунвуда, Техас Тот же день

– Отель-одиннадцать, выйдите на связь!

Офицер морской пехоты, сидевший за штурвалом Хью, показал штурману, чтобы подстраховал при управлении.

– Отель-одиннадцать на связи, принимаю громко и четко.

Не совсем, конечно, но... вертолет есть вертолет.

– Отель-одиннадцать, это Папа, для вас есть работа. Предатор засек транспортное средство, нужно его проверить. Вы ближе всех к нему.

– Папа, понял вас, прошу координаты. У нас топлива на полчаса, после этого мы будем вынуждены свернуть поиски.

– Понял, Отель-одиннадцать, мы ориентируем тебя на заправщик. Выходите в точку с координатами пять-зеро-единица-шесть-пять-шесть-тройка-пятерка-зеро-во- семь-зеро-двойка-девятка, транспортное средство белый грузовик-фургон, особых примет нет, как поняли.

– Понял вас, Папа, мы в четырех кликах севернее указанной вами точки. Приступаю.

– Мы дадим картинку с Юниформ-Виски, как только вы прибудете в район. Конец связи.

Вертолет чуть клюнул носом, увеличивая скорость, наклонился, меняя траекторию.

– Джентльмены, говорит ваш капитан, – обратился первый пилот к морским пехотинцам на борту, – сейчас мы проверим одну машину, которую нам выдадут с беспилотника, после чего пойдем на базу на дозаправку. Массу впечатлений, как приятных, так и не совсем приятных, я вам гарантирую...

Первый пилот тоже *хлебнул*, два года над Афганистаном в составе особого морского эскадрона гарантировали массу острых впечатлений. Он высаживал морпехов на острые гребни Парачинарского хребта и забирал их оттуда, довелось ему летать и над Салангом. Каждый раз, когда предстояла *работенка* – морские пехотинцы, многим из которых не было и двадцати пяти, кричали свои воинственные кричалки и кличи, чтобы заглушить голос страха, поселившегося навеки в их душах. Но здесь он не услышал ни единого возгласа, ни единого клича в системе внутренней связи в вертолете. Люди просто готовились выполнять свою работу.

Фургон они обнаружили почти сразу, Предатор вывел их точно на него, и сразу стало понятно, почему он привлек к себе такое внимание. Это была глушь, техасская прерия, и белый фургон здесь, а судя по тому, как уверенно он идет – возможно, полноприводный, был совершенно неуместен, он бросался в глаза.

Вот тут у морских пехотинцев начались проблемы. Вертолет был не полицейский, не было ни раскраски, ни громкоговорителя, и непонятно было, как донести до водителя информацию о том, что они хотят, чтобы он остановился. В Ираке или Афганистане такая проблема решалась просто – пулеметной очередью перед капотом. Но это был не Ирак и не Афганистан. Это были Соединенные Штаты Америки...

Летчик пристроился за фургоном, примерно сотней футов выше, выдерживая его скорость. Фургон шел достаточно ходко.

– Взять на прицел, – скомандовал капитан Уиндрои, и снайпер группы, первый сержант Барри Оливер, тотчас улегся в проеме десантного отсека, в то время как его напарник, уорент-офицер Мигель Кавальо, приготовился его страховать. Перекрестье прицела Барретт-107 замерло на белой крыше фургона там, где должен был находиться водитель.

– Держу, сэр.

– Папа, это Отель-одиннадцать, мы видим цель. Цель, белый фургон марки «Рам»¹⁴, новый, с низкой крышей, движется по направлению к Фредериксбургу.

– Отель-одиннадцать, мы наблюдаем за вами.

– Сэр, прошу санкции дать очередь перед капотом. Мы не можем его иначе остановить, сэр!

– Отрицательно, Отель, попробуйте сесть на дорогу где-то перед ним и проведите досмотр, как поняли, прием!

– Вас поняли, сэр, конец связи!

– Сэр, один из них смотрит на нас! – доложил Оливер, – передний пассажир высунул руку и поправил зеркало заднего вида так, чтобы смотреть на нас! Сэр!

Вертолет ускорился.

– Сэр, цель потеряна. Контакта с целью нет.

– Вставай, Барри, – скомандовал капитан, – внимание всем! Сейчас мы попробуем сесть на дорогу перед ними. Всем предельное внимание, мне кажется, что это они и есть. Быть готовыми открыть огонь на поражение!

– Рико, вертолет!

– Где! Над нами, они сели нам на хвост! Карамба!

– Заткнись, Мануэль, веди машину, как вел!

Салинас занервничал, хотя с виду был совершенно спокоен. Он знал, как быстро может развернуться ФБР – но по его прикидкам они уже должны были выскочить из зоны поисков, тем более что машины они сменили, эта – куплена, точнее, взята в лизинг на подставную фирму, но с виду все законно. Черт, он точно знал, сколько у полиции есть вертолетов и где они будут выставлять блокпосты на дорогах, они уже должны были проскочить. Как же они сумели их найти?!

Он высунул руку в окно, чтобы поправить зеркало. Вертолет, зависший над ними, был американским, морским, светло-серого цвета – мексиканский спецназ чаще всего пользуется более вместительными русскими Ми-17. Бортовых пулеметов он не увидел – но скорее всего в вертолете есть боевая группа.

– Рожелио, сколько зарядов у нас осталось?

– Два заряда, эль-команданте!

– Будь готов! Ты бьешь первым! После этого тормозим, все из машины и продолжать огонь! Всем огонь – по пилотской кабине, но самое главное – по двигателям. Если вертолет взлетит – он нас уничтожит!

– А я...

Командир группы уничтожающим взглядом посмотрел на ублюдка по имени Альфредо Бентес, мелкого бандита, ввязавшегося в по-настоящему мужские игры. Если бы он мог, он бы прострелил этому ублюдку башку и выбросил на дорогу – но нельзя.

– Дайте ему что-нибудь. Бей куда все бьют, amigo, и делай то, что делают все. Понял?

– Я не подведу! Клянусь!

– Мануэль! Увеличивай скорость! Насколько можешь!

– Да, команданте...

Вертолет садился на дорогу, поднимая лопастями целую тучу пыли – вот в этом просчитались и пилот, и командир огневой группы на борту. Пыль – как завеса, через нее ни хрена не видно. Правда, и противнику плохо видно вертолет – но это частности.

¹⁴ Марка «Рам» – это пикапы и коммерческие автомобили «Крайслер». Сам фургон – не что иное, как «Мерседес-Спринтер», собранный в США.

– Десять секунд!

Вертолет, покачиваясь, шел вниз, шасси почти коснулось земли.

– Сэр, они... – предупредительно крикнул кто-то.

Несмотря на пыль, Рожелио прицелился точно – серое копьё гранаты скользнуло над дорогой и лопнуло, воткнувшись в моторный отсек вертолета.

Морских пехотинцев, уже готовящихся десантироваться, тряхнуло, подбросило, вертолет был на высоте футов пять над землей, не больше. Сержант Барри Оливер, уже приготовившийся прыгать, находился у самой двери, его жигануло осколками и бросило в открытый проем десантного отсека. Вцепившись в винтовку как истинный снайпер – снайпер всегда бережет сначала свое оружие, только потом самого себя, – он плюхнулся на землю, падение его оглушило, в облаке пыли он видел опасность, совсем рядом от его ног в дорожную пыль хрястнулся вертолет, что-то горело. В облаке пыли он увидел, как в четырех футах от его лица хлещут по воздуху огромные лопасти, каждая из которых могла одним ударом разорвать его пополам – и он начал перекатываться, по-прежнему прижимая к себе свое оружие, и после нескольких перекатов куда-то свалился. Видно ни хрена не было, по вертолету уже стреляли, и что-то горело.

– Стой! Тормози и боком! Огонь!

Сам командир группы поднял свой автомат и ударил по вертолету, даже не по вертолету, по тени в пыли через лобовое стекло «Рама», мгновенно покрывшееся дырами и белыми трещинами, он бил непрерывной очередью, потому что сейчас гораздо важнее количество пуль в секунду, а не точность. Еще один боевик додумался совсем до безумного – он ударил из пулемета М60 по цели, просунув ствол между сиденьями и паля в тесном, закрытом пространстве фургона длинной очередью через лобовое стекло. Что-то вскрикнул Мануэль, а потом этот звук пропал, в голове ничего не было, кроме обезумевшего отбойного молотка, вскрывающего череп, чтобы добраться, наконец, до мозга. Машина шла юзом, неуправляемая – но шла все тише и тише, Мануэль бросил руль, он давил на тормоз, закрывал оба уха руками, и что-то дико орал, дышать было нечем из-за пороховых газов. Наконец, машина остановилась, элькоманданте Салинас, оглохший, с обожженным пламенем пулемета лицом, на ощупь открыл дверь и попытался вывалиться наружу, в пыль, куда угодно, только подальше от этого озверевшего, сошедшего с ума молотка. Ручка двери легко поддавалась, он вывалился наружу, его автомат висел на груди с пустым магазином. Держась за верх дверцы, не понимая, где он и что он, он попытался сделать шаг, но в этот момент дверь вэна ударила его с силой идущего на полном ходу тепловоза, и свет в глазах бывшего полицейского мексиканской федеральной полиции померк в ослепительно яркой вспышке. Как старый телевизор выключаешь – изображение моментально превращается в яркую точку в середине экрана. Потом гаснет и она.

Сержант, понимая, что времени у него несколько секунд, не больше, выставил тяжеленную винтовку на сошки, зажал приклад и, особо не целясь, открыл огонь, примерно прикидывая, где может быть машина. Он стрелял так, как никогда не стрелял из этой винтовки. Раз за разом он посылал пули калибра 0,50 дюйма в смутный силуэт машины, в лобовое стекло, в распахнувшуюся дверь, в мерцающие в салоне машины вспышки – в пыли они отлично были видны как вспышки фонаря, примерно прикидывая, чтобы прошить этими большими, тяжелыми и быстрыми пулями салон машины насквозь, чтобы никого не осталось в живых. От вертолета длинной очередью ударил пулемет, он знал пулемет Кавальо, потому что именно он всегда прикрывал его. Это значило, что в вертолете остались выжившие...

– А-ха!!! – заорал сержант, хватая ртом наполненный пылью, пороховыми газами и острым запахом бензина воздух...

Он не знал и не хотел знать тех, кто его спасал, он вообще не хотел ничего знать, он просто хотел больше не бояться. Он, Альфредо Бентес, был вовсе не злым человеком, просто он родился в Сьюдад-Хуаресе. Знаете, что такое Сьюдад-Хуарес? Это город на самой границе, большой, сильно разросшийся – за последние пятьдесят лет в несколько раз – и уродливый. Этот город всегда жил за счет своего северного соседа, но никогда эта зависимость не была столь сильной, как в последнее время. Когда-то давно, когда здесь занимались контрабандой виски, а не кокаина, Сьюдад-Хуарес был небольшим, нищим, грязным городком приграничья. Во время сухого закона он жил тем, что парням с соседнего берега для того, чтобы выпить, нужно было просто перебраться на другой берег реки. Тогда, в те благословенные времена, когда пограничники и таможенники ездили на лошадях и могли быть вооружены только пистолетом-пулеметом Томпсона, на реке Рио-Гранде была куча лодок, и американские парни переправлялись на другой берег по ночам, чтобы хватить пару стаканчиков прямо на том берегу, загрузить несколько ящиков виски для себя и на продажу – и тронуться в обратный путь. А в остальном это был маленький городишко, сюда приезжали фермеры с округи, которые выращивали скот на продажу, свой и ворованный в Техасе, здесь были пекарни, шили одежду, перегоняли машины с той стороны границы, были еще какие-то промыслы. Но все это и близко не было похоже на огромные микеладорес (макиладорес), которые здесь возвели янки.

История микеладорес начинается в шестидесятых, когда американцы начали выводить производство за границу, но еще не открыли Китай. Вот тут-то и начали появляться в соседней стране огромные бетонные коробки заводов, разоряющие собственную мелкую промышленность и выпивающие все соки из местных. За двадцать лет пейзаж мексиканского севера изменился до неузнаваемости, но это была еще не катастрофа. Катастрофа наступила потом, через поколение.

Альфредо Бентес вырос в районе, где жили рабочие с одной из микеладорес, грязном, кишасшем крысами и насквозь преступном. Надо было объединяться, потому что рядом были еще более страшные барриос. Барриос – это были трущобы, там жили те, кто нигде не работал и занимался преступным промыслом. Это была последняя ступенька в ад, а их район был ступенькой предпоследней. Те, кто жил в барриос, ненавидели их – ненавидели за то, что их матери и отцы имели хоть какую-то, но постоянную работу и на их столе был свой кусок хлеба постоянно, хоть жили и небогато, но все же жили. Почему-то жители барриос ненавидели их намного сильнее, чем они ненавидели богатых, у которых тоже был в городе собственный район, огороженный стеной, с колючей проволокой и вооруженными автоматами охранниками. Видимо, дело было в том, что богатые представлялись такими неземными, не местными существами, которые живут на какой-то другой, огороженной забором с колючей проволокой планете. А вот их район никто не огорожил колючей проволокой, да и полицейские здесь появлялись только тогда, когда надо было задержать кого-то или устроить засаду на наркоторговцев – район через дорогу перешел и делай что хочешь.

И переходили. И делали. Почти каждый день.

В девять лет старший брат привел Альфредо в банду – это была не только банда, но и что-то вроде отрядов самообороны тех, кто стоит на предпоследней ступеньке социальной лестницы, от тех, кто стоит на последней. Принимать его – то есть избивать до полусмерти – его не стали, просто предупредили, что за предательство – смерть. Сначала он был просто наблюдателем – сидел на крыше и смотрел, не пытаются ли люди из барриос пересечь разделительную черту, между кварталами которой была дорога. И у той и у другой стороны было оружие – пистолеты, ружья, даже автоматы, но шли они в ход редко. Были и охотничьи ружья с оптикой, наблюдателей можно было снять, но, по негласному уговору, этого не делали, до определенного возраста не убивали, если только случайно. Потом Альфредо приобрел первый пистолет и стал солдатом на разборках. В пятнадцать лет он совершил первое убийство – это

было поздно, он знал пацана, который начал убивать в двенадцать, и к четырнадцати – возрасту уголовной ответственности – на нем было больше тридцати трупов. В пятнадцать его убили.

Зетас в те времена уже были, они были и до этого, но за Сьюдад-Хуарес, как за один из приграничных городов, шла долгая и тяжелая война, с кровью, с расстрелянными машинами, с отрезанными руками, ногами, головами, членами. Удивительно – но в отличие от американцев, которые, смотря на все это, воспринимали мексиканскую организованную преступность как сборище исчадий ада – мексиканцы относились к ней совсем по-другому. Для них что Зетас, что картель Хуарес, что другие – все были просто силой, иногда злой, иногда жестокой – но понятной силой. Их считали своими, они не были отторгнуты от общества. Просто в жизни были некоторые правила, которые следовало выполнять, и если ты их не выполняешь – бах! И все. Это в лучшем случае – бах. Эти правила были для всех – для толкачей, для пилотов самолетов, для менял долларов, для профессиональных убийц. Если ты их не выполняешь – тебя убьют. Если ты их выполняешь – тебя все равно убьют, потому что мало кто долго живет в этом бизнесе. Это был бизнес, просто бизнес, в котором тебя рано или поздно убьют. Чтобы было понятнее... скажем, человек в среднем живет от шестидесяти до семидесяти лет. Если он умирает в шестьдесят пять – люди погорюют, но все равно подсознательно будут воспринимать это нормально, потому что мы все когда-нибудь умрем. Так и тут. Только тут мало кто доживал до сорока лет.

Конечно, Альфредо был и в Raза, черт, каждый нормальный пацан из их квартала был в Raза. Для того чтобы понять почему – надо видеть и знать, как гринго, проклятые белые парни, относятся к мексиканцам. Мексиканская женщина для них – это либо поломойка в их доме, либо грязная шлюха, готовая отдаться за несколько песет. Мексиканский мужчина – это дешевая рабочая сила, спик, мокроспинник, которого можно нанять на самую грязную работу, не платить за него налогов, а потом пинком прогнать вон, не расплатившись. Или преступник, которого надо поджарить на электрическом стуле.

Этот проклятый визит в Техас – черт, это был просто деловой визит, они этого не хотели. Они не хотели стрелять, они не хотели убивать брата того парня, который устроил бойню – они просто хотели выполнить задание, которое дали им старшие, и сделать Техасу ручкой. Они взяли пистолеты просто потому, что в Техасе сейчас много лихих людей, в том числе исполнителей картеля Синалоа, и невооруженным нельзя находиться нигде и ни при каких обстоятельствах. Он знал нескольких парней... два года назад они веселились на дискотеке, и к нему подкатилась телка. Они потанцевали вместе сальсу и пошли к ней, а парни остались. Потом выяснилось, что это не телка, а трансвестит, Альфредо не любил таких вещей – съездил *этому* пару раз по морде и ушел. А потом выяснилось, что этот транс его спас – когда он подъехал обратно к дискотеке, там уже было не протолкнуться от полиции, мигалки, сирены, тени на стенах, гильзы на асфальте с картонкой с цифрой у каждой. Исполнители Синалоа подъехали и открыли по веселящимся шквальный автоматный огонь, если бы Альфредо остался с друзьями – то и его бы сейчас либо на носилках грузили в машину «Скорой помощи», либо в черном пластиковом мешке – в труповозку.

Чертов ублюдок Кот, в какое дело он их втравил.

Альфредо боялся. Нет, не полицейских, полицейские – это известное зло. Как никого другого он боялся того ублюдка с автоматом Калашникова. Господи, он же совершенно чокнутый! Хуже, чем любой пистолеро из Синалоа. Никогда Альфредо не видел таких глаз, как у этого парня, когда они перешли границу, тот псих за рулем, а он связанный и в багажнике – парень сдался. Точно псих, законченный.

Полицейские и агенты ФБР относились к нему без должного уважения – но это еще можно было терпеть. Один из депьюти здорово двинул его, но шериф прикрикнул на него, и депьюти прекратил. Единственное давление, которое на него оказывалось – полицейские повесили перед решеткой камеры, где он содержался, плакат с изображением электрического стула

и надписью «Слабопрожаренный или с хрустящей корочкой?». Его молча кормили, молча охраняли – и вообще все делали молча.

Когда за ним пришли – он испытал дикое чувство восторга, такое – какое не испытывал никогда в жизни. В бедняцких кварталах вообще все держится на взаимопомощи – один за всех и все за одного, и не помочь своему просто невозможно, если ты не поможешь своему – тебя будут презирать потом весь квартал, ты станешь изгоем, чужим, лишним, за тебя никто не вступится, и рано или поздно тебя убьют. Помощь всегда имела свои пределы. Например, еще в восьмидесятых годах, если копы являлись в их квартал, хватали кого-то и волокли в тюрьму – все это воспринималось с типичным бедняцким смирением, точно так же, как воспринимается гроза с градом или смерть новорожденного, которому некому помочь. Потом границы расширились – и в новом тысячелетии, когда полицейские приезжали в квартал, начинался уличный бой, порой с применением гранатометов.

Но никто и никогда не смел посягнуть на гринго. Никто и никогда не приезжал из Мексики, чтобы убивать гринго у них дома. Старались не устраивать разборки в США, и даже те из боевиков, которые были не мексиканцами, а детьми мексиканских эмигрантов из США, пользовались в бандах большим уважением, даже начиная рядовыми пистолерос. Один умный человек¹⁵ назвал это «синдром дворняжек», это когда человек чувствует себя перед гринго дворняжками, когда он чувствует, что он хуже, слабее гринго, что гринго, если захотят – могут решать его судьбу и вообще могут делать с ним все, что сочтут нужным. Гринго для многих были живым правосудием, никто и не думал противостоять им, и сообщения о казнях мексиканцев в Техасе все воспринимали с тем же самым смирением – нельзя было посягать на гринго. Точно так же бы восприняли и сообщение о его казни – но, видимо, правила игры опять изменились, и гринго уже не были полубогами. Они были обычными людьми, которые самым обычным образом умирали от пуль.

И все тут.

Так получилось, что когда за ним пришли – его никто не охранял. В камерах было три человека, все трое мексиканцы, с одним из них Альфредо перемолвился парой слов и узнал, что тот попал сюда за угоны, а вот второй отказался разговаривать наотрез. Человек в полицейской форме и с автоматом спустился вниз, Альфредо отпрянул от решетки, думая, что пришла его смерть – но этот человек сказал: «Привет!» и начертил пальцем в воздухе букву Z – зетас! Потом он достал пистолет, дважды выстрелил по замку – и Альфредо обрел свободу.

Вверху, в самом полицейском участке пахло порохом, гарью, на спине лежал коп и смешно открывал и закрывал наполненный кровью рот. К тому же он был мексиканцем – мексиканец, который стал копом, уже не совсем мексиканец. Альфредо от злости пнул его, а тот, кто спускался вниз его освобождать – выстрелил в полицейского и убил его. Тут был еще какой-то сеньор в костюме и белой рубашке, Альфредо почему-то его испугался, испугался его пристального, недоброго взгляда. Они было пошли к выходу – и тут на улице стали палить так, что Альфредо испугался – а потом ворвался какой-то тип с автоматом и заорал, что надо сваливать...

Видимо, святой Лоренцо¹⁶ сегодня был на их стороне. Он вместе с этим сеньором в белой рубашке ехал во второй машине, когда началась стрельба, а потом первая машина что-то снесла и остановилась. Сеньор в белой рубашке выходил, потом у первой машины было два выстрела – и те, кто ехал в головной машине, перешли в их машину, отчего ехать стало тесно. Потом они поехали дальше, даже мигалку включили.

¹⁵ Президент Бразилии Лула да Сильва. Сейчас мало кто обращает внимания на Бразилию – ох, зря...

¹⁶ Покровитель бандитов и разбойников в Мексике. Есть там и такой святой, к сожалению. Впрочем, в Мексике очень распространен культ благородных разбойников.

Потом они на какой-то стоянке пересели в большой белый микроавтобус с глухими боковинами кузова, так что из окон ничего не было видно. Хотя вэн и был очень большой, все равно было тесно, тем более что сидеть было не на чем. Так они ехали еще какое-то время, Альфредо уже привык к мысли о том, что он спасен, что он вернется к себе в родной город, в Мексику... возможно, там придется какое-то время прятаться, скрываться, но все равно он будет жив и на свободе. А может быть, он даже станет известным человеком, тем, кому довелось побывать в лапах у гринго и все равно обрести свободу. Да... наверное, так и будет.

Потом он понял, что в звуки, окружающие его – шум мотора, свист ветра, трущегося о боковины кузова, негромкие разговоры его спасителей – вклинился еще один звук, настойчивый, ритмичный, похожий на звук, какой издают барабаны у хорошего ударника. Он не сразу понял, что это такое, но боевики тревожно зашевелились, а потом один крикнул – вертолет! – и Альфредо понял, что у него опять проблемы...

У каждого человека есть предел, точно так же, как есть предел прочности, например, у металла. Если взять железный лом и пытаться его согнуть, то до какого-то определенного предела он остается таким, каким он был – прямым и прочным. Но если это усилие превзойдет этот порог хотя бы на один ньютон – лом согнется, повинуясь силе, станет мягким для приложенной силы, и его потом уже не разогнуть.

Альфредо, пацан из бедняцкого квартала, был довольно сильным человеком – другие в барриос не выживали. Он, не задумываясь, выхватил пистолет и открыл огонь, когда счел это необходимым для спасения собственной жизни. Он посадил в бочку пацана, несколькими годами младше его, и сжег заживо, потому что так приказал ему старший и потому что он сам считал это правильным и допустимым. Он не сломался, когда его допрашивали, и ничего не сказал. Но вот сейчас, когда до свободы, до жизни было всего ничего – и перед ним вдруг явно маячила угроза все разом потерять – вот сейчас он сломался. Пошел вразнос.

Один из тех, кто его спасал, встал в полный рост с гранатометом на плече в открытом люке, выстрелил – и исходящее серым дымом копье метнулось вперед, туда, где было только большое облако пыли. Кто-то открыл дверь, начал стрелять, и Альфредо увидел, как его отбросило пулей, и что-то ударило по кузову как молотком. Он ничего не видел, он не знал, что происходит – он знал только то, что сидит в тесном и темном кузове фургона, как селедка в банке, ничего не может сделать... и если он не выберется отсюда, то непременно погибнет.

– Выпустите!

Альфредо Бентес вскочил на ноги и, пихаясь ногами, руками, стал пробираться вперед – к двери, к свету, к разбитым вдребезги окнам. Кто-то отпихнулся от него, как от назойливой мухи, по машине снова ударило молотком, а потом пошло что-то вроде града и кто-то закричал, закричал обреченно и жутко, призывая свою *matasito*. Он уже почти пробился к боковой двери, когда по машине стукнуло молотком в очередной раз, а потом его ударило по голове. Ударило так, что из глаз посыпались искры, он замер, пытаясь прийти в себя, но искры не гасли, они становились все ярче и больше, как звезды в ночном небе. Когда-то давно он любил выбираться на крышу их нехитрого жилища и, лежа на нагретом за день куске кровельной жести, смотреть на звезды.

А звезды становились все больше и больше. И вот уже в жизни Альфредо Бендеса не осталось больше ничего, кроме этих ослепительно-ярких, живых, нестерпимо бьющих своим светом в глаза звезд...

Запасной магазин никак не поддавался, он был большим и широким, а винтовка тяжелой, и чтобы втолкнуть его в приемник – надо было иметь изрядное хладнокровие и во всяком случае не дрожащие руки. Первому сержанту наконец-то удалось это сделать, магазин встал на свое место, рука передернула затвор, досылая первый патрон в патронник – и в оседающей пыли Оливер снова открыл огонь по машине, поддерживая бьющие в том же направлении

пулемет и пару автоматов. Если эти парни столь опасны, что у них есть гранатомет и с его помощью они сбили вертолет, значит, и церемониться с ними нечего.

Он сам не заметил, как выбил все десять – и только когда он нажал на спуск и ничего не произошло, он понял, что этот магазин тоже пуст.

Оставив винтовку в пыли, он достал «Кольт», оглянулся назад. Двое парней – кажется, Брюстер и Карахан, выбрались из вертолета и прикрывали его, направляя автоматы на изрешеченный фургон. От самого фургона исходил почти незаметный дымок, но сержант видел такое не раз и знал, насколько это опасно. Внутри что-то горит – и взорваться машина может в любой момент...

– Олли, ты цел? – окрикнул его Брюстер.

– Да, сэр! А вы?

– Я тоже! Не хочешь проверить, что там с этими ублюдками?

– Нет, сэр!

– Тогда отступай к нам! Прикроешь вертолет, пока мы эвакуируем раненых!

– Да, сэр!

В этот момент фургон взорвался. Это выглядело совсем не как в кино – просто сильный хлопок – и ярко-желтое пламя охватило кузов снизу, одновременно со всех сторон. Вообще-то нужно было принять меры к тушению и спасению выживших. Но ни сержанту, ни кому другому делать этого не хотелось.

Тот же день Сан-Диего

Южный пригород города Сан-Диего. Здание бывшей текстильной фабрики. Теперь тут ничего не работало, и в соседних зданиях тоже больше не работали, потому что в США теперь вообще многие не работали, а жили на пособие и со своего криминального ремесла. Когда-то давно Сан-Диего был известен прежде всего тем, что это была одна из главных баз седьмого флота США, оперирующего в Тихом океане, сейчас же командиры кораблей не отпускали матросов в увольнительные без личного оружия. Находящийся на самой границе США Сан-Диего стал городом с подавляющим большинством мексиканского населения, городом, через который в США рекой текли наркотики, а в обратную сторону – угнанные машины, запчасти с угнанных машин, оружие и боеприпасы. Этот город был известен и тем, что являлся единственным крупным городом Калифорнии, в котором не было ни одной негритянской банды, он единственный полностью контролировался мексиканскими бандами. За Лос-Анджелес и Сан-Франциско уже несколько лет шла война между негритянскими бандами Bloods и Krips, в которых состояло несколько десятков тысяч боевиков, в значительной части исповедующих агрессивный ислам и человеконенавистнический культ «вуду», и латиноамериканскими бандами – M13, сальвадорской Мара Лаватруча, Дабл Эм, мексиканской мафией – последняя была известна тем, что «крышевала» в местах лишения свободы членов итальянской Cosa Nostra (!!!), не давала их в обиду членам других группировок. В прошлом году в боях с полицией и с другими бандами в Лос-Анджелесе погибли более восьми тысяч человек, а с ноября в Лос-Анджелесе было введено чрезвычайное положение, улицы некоторых районов патрулировались частями Национальной гвардии. В Сан-Диего было относительно спокойно, но это только потому, что город контролировался этнически однородными бандами, имевшими собственный механизм разрешения спорных ситуаций – по негласной договоренности, вооруженные разборки проходили на территории Мексики, благо она была совсем рядом. В городе, несмотря на официально провозглашаемую толерантность, почти не было темнокожих – после нескольких демонстративно жестоких убийств чернокожие покинули город.

В этом промышленном здании было все то же самое, что и в других – все стены были разрисованы «наскальной живописью», демонстрирующей в основном батальные сцены и прославляющей подвиги занимающей здание банды – люди с М4 и автоматами Калашникова, горящие машины, мертвые полицейские. В самом здании давно не было электричества – но оно никому и не было нужно, притащили несколько бочек и соорудили что-то вроде костров, они же и для освещения сгодятся. Меньшую часть здания занимала мебель, в основном кровати и диваны, стасенные со всей округи, на них бандиты отдыхали и слушали музыку. Если негры слушали рэп, то мексиканцы – наркобаллады, это такая мелодичная, исполняемая под гитару музыка, повествующая о героизме бойцов невидимого, но уже пролегла не через одну страну фронта, что-то вроде тюремного шансона в России. На этих же диванах пользовались девчонки – хуанит, в банде были и девчонки, но в отличие от распространенного мнения проституцией они занимались не для банды, а по своему желанию, собственностью банды не считались и вольны были сами выбирать, с кем спать, если этот кто-то был членом банды. Выбора у них не было только на вступительном испытании, которое заключалось в сеансе группового секса с десятком партнеров по очереди, партнерами были главари банды и наиболее отличившиеся в последних налетах рядовые soldato. Для парней особого испытания при вступлении в банду не было, нужны были как минимум две рекомендации от действующих членов банды или одна, если близкий родственник уже состоит в банде, и решение главаря, но своим новоиспеченный солдат становился только тогда, когда совершал первое убийство.

Тут же был краденый телевизор, работающий от дизель-генератора, и несколько китайских магнитофонов, изрыгающих упомянутые наркобаллады. Здесь же был металлический шкаф с ключами, которые были только у главарей – здесь хранилась часть оружейного запаса банды, в основном обрезы помповых ружей, китайские и румынские «калашниковы», М4 самых разных видов. У многих банд уже были пулеметы, а у некоторых и гранатометы РПГ-7 и М-72. Банды никогда не хранили запас оружия в одном месте, он постоянно пополнялся и распределялся по местам хранения, у редкой банды на одного бандита приходилось меньше чем два ствола. Часть из стволов была в личной собственности членов банды, но большая часть принадлежала банде в целом. Зетас и некоторые другие организации наркотеррористического подполья в последние годы целенаправленно снабжали мексиканские банды оружием, закупаемым оптом и централизованно, в основном через министерства обороны Сальвадора и Эквадора, часть колумбийского INDUMIL, производящего все виды винтовок Galil, в том числе и новейшие ACE – откровенно работала налево. Численность автоматических стволов, нелегально осевших на руках в южных штатах, боялись даже считать, но она была никак не меньше пяти миллионов единиц.

За загородкой, сделанной вручную членами самой банды, находилось что-то вроде гаража, одновременно это был и склад оружия, там же зачастую бывали и наркотики, но сейчас там ничего не было. Сейчас в этом ангаре стоял внедорожник «Порш Кайенн», который угнали вчера в Лос-Анджелесе и уже успели перебить номера, но в Мексику отправить не успели, черный «Шевроле Субербан» – его угнали в Техасе белым и перекрасили, потому что в Мексике предпочитали именно черные «Субербаны», и «Додж Рэм» последней модели со сдвоенной кабиной, увезенный прямо со стоянки дилера. Это были угнанные машины, тут же стояла часть из транспорта, принадлежащего банде, «Шевроле Сильверado» с двойной кабиной и два тяжелых эна, один из них полноприводный, а второй – с рекламой фирмы, устанавливающей кондиционеры на борту. Тут же хранилось оружие, которое должны были переправить завтра в Мексику с оказией – пятьсот М4 первых серий, дешевых, пущенных налево со складов национальной гвардии, и десять винтовок Барретт М82А3 гражданской версии, которые в Мексике очень ценились, потому что пробивали насквозь самые тяжелые бронежилеты и могли остановить легкобронированный «Хаммер». Все это хранилось, как и положено, в кофрах и кейсах, потому что за сохранность переправляемого оружия банда отвечала перед Зетас.

Главаря банды пока не было, и за старшего сейчас был некий Луис Гомес двадцати четырех лет от роду, гражданин США и уроженец штата Калифорния, нигде и никогда не работавший, живущий на пособие. В банду его привел брат, погибший в бою с неграми на северной окраине Лос-Анджелеса, а вот сам Луис был удачливее – участвовал в трех больших набегах и остался цел и невредим. Правда, заслуга в этом была не его, а некоего Хулио Вальдеса, двадцати девяти лет, нынешнего главаря банды, который пришел в нее всего два года назад и за год стал ее главарем, убив в поединке предыдущего. В отличие от него, дважды судимого, Хулио Вальдес не только не был судим, но и служил в армии. Вызавшись добровольцем, он служил в Афганистане, а потом еще два года – частным подрядчиком, сначала статик-гардом, а потом и прайвит-гардом¹⁷

¹⁷ Static-guard – человек с автоматом, стоящий на посту и что-то охраняющий. С этого начинают все подрядчики, самая непрестижная и низкооплачиваемая работа. Private guard – личная охрана, оплачивается куда более высоко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.